

Артем
Полярин

В ЗОНЕ

ДИСМОНАДА

Артем Полярин
В зоне листопада

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Полярин А.

В зоне листопада / А. Полярин — «ЛитРес: Самиздат», 2015

ISBN 978-5-5321-2624-4

После информационной войны в Городе разразилась психиатрическая эпидемия. Люди утратили способность контролировать себя. Неврозы, психозы, падение рождаемости, рост преступности. Международное сообщество, в лице гуманитарных организаций, спешит на помощь. Импланты позволяют регулировать уровень гормонов и нейромедиаторов. Современные системы психосканирования производят подробную диагностику за считанные часы. Все автоматизировано, «протез» души установлен. Город, под контролем Мнемонета, превратился в огромный психдиспансер. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5321-2624-4

© Полярин А., 2015
© ЛитРес: Самиздат, 2015

Артем Полярин
В зоне листопада
«Вспоминая собственное небытие,
я очень боюсь, что это повторится.
Хоть быть мне и не менее больно.
Но я должен!»

Лаура Исоз
Часть первая. Цепи и сети
Глава 1.

Яркие жемчужины светодиодной панели угасли, на секунды уступив место тьме. В коридоре за дверью послышалось напряженное женское скуление с нотками злости. Мужской грубоватый голос отрывисто рыкнул в ответ:

- Тише вой! И так жить тошно.
- Вы на меня не кричите! Мне же страшно!

Скуление превратилось в сердитые слова. Истинность сказанного подтвердили напряженный кошачий взвизг и протяжное шипение.

- Замолчите, или я вас сейчас передую, – нагнетало рычание.
- Не успеете! – торжественно проскулила жертва.
- Шеи поворачивать успею.

Пробасило в ответ размеренно. В тоне уже читались мотивы примирения и возвращающегося спокойствия. Даже угадывалось сквозь дверь, как агрессор снова разваливается на стуле, отворачивается от раздражителя. Обладательница же скулящего голоса, с одной лишь ей понятной целью, вычурно и презрительно плеснула масла в опасный огонь:

- Это тоже не успеете!! Тупой болван!
- Ах ты ж дрянь! Да, что ж за б...!?

Кот опять взвыл и зашипел. Возгласы прокатились по коридору ревушим эхом. Оборвались глухим звуком падения мешка с песком на линолеум. Несбывшаяся жертва, надрываясь и нервно посмеиваясь, провыла в тембр коту:

- Я же говорила – не успеете! Никто никогда не успевает!

На несколько мгновений за дверью повисла мертвенная тишина. Планшет, лежащий на столе перед Никоном, нарушил ее тихим, тревожным сигналом. Прервавшийся было поток света, снова вернулся в здание. Кирилл, нехотя отвлекаясь от двери, протянул:

- Истребитель. Рухнул в воду прямо на взлете с авианосца! Похоже?
- Хороший образ, – выдохнул Никон, – похоже. Может быть, у тебя есть еще ассоциации?
- Так... Не знаю, – задумался Кирилл, – какие здесь могут быть еще ассоциации? Человек хотел успокоить женщину, а его самого успокоил коин.

- Как ты думаешь, что им двигало? – решил воспользоваться ситуацией Никон.

– Наверное, желание побыть не только в темноте, но и в тишине. Это же так приятно. Голова отдыхает. Вот дома можно быть часами. В тишине и в темноте. Но редко кто так поступает. Дома постоянно что-то притягивает к себе внимание. Здесь намного проще.

- Что тебя обычно отвлекает? – шагнул на открывшуюся тропинку оператор.
- Если честно, игра одна – «Город-2». Слышали?
- Это там, где игровой мир очень похож на наш?
- Ага. Я проверял. Очень похож. Даже самые глухие места.
- Ясно. А где получается отдохнуть, не отвлекаясь?

Кирилл задумался. Почесал макушку. Улыбнулся.

– В метро получается. Если нет в вагоне никого интересного. Станции мелькают за окном между длинными темными перегонами как дни и ночи. Это успокаивает, – мотнув головой в сторону двери, выпалил: – А можно посмотреть на его показатели?

– Только никому не рассказывай.

Никон подвинул планшет. Кирилл, схватив пластину, с интересом принялся гладить ее указательным пальцем. Ужаснулся:

– Какая рожа!

Действительно, схематическое лицо, отражающее сейчас состояние истребителя, оказалось страшным. В красных провалах глаз бегали точки зрачков. Рот разинут в кривой гримасе. Широкие черные брови нахмурены. Скулы напряжены. Карикатура на разгневанного деспота. Кирилл переключился с общего, доступного для эмоциональной оценки представления, на графики.

– Ого, вот это адреналин! У меня, наверное, никогда такого не было. А пульс и давление стремятся к норме. Так, что тут у нас? Ага, спирта почти один промилле. Мелатонин растет. Аминобутират растет. Дофамин на нуле.

Никон не слушал. Он должен бы сам глянуть показатели и при необходимости подправить. Сначала он так и делал. Относился к работе добросовестно. Внимательно вчитывался во все события. Бывало, по полчаса уделял анализу ситуации. Привлекал к этому супервайзера. Потом тот намекнул – не стоит дергать по пустякам занятого человека. Никон остыл. До такой степени, что даже теперь, когда один его подопечный валялся за дверью на линолеуме, а второй торжественно зачитывал его баланс, Никон пустым взглядом шлифовал оранжевые головы уличных фонарей.

– А можно я себе немного серотонина добавлю? Можно?! – помахал перед носом блестящей пластинкой Кирилл. – Скажите пароль. Я совсем немножко.

Никон устало протянул руку. Кирилл сунул в нее планшет.

– Нельзя. Тебе нельзя.

– Ну, немножко. Один разочек. Ну, пожалуйста. Вам что, жалко хорошего настроения?

– Будешь клянчить, я тебе мелатонин подниму, – хмыкнул Никон.

– Да поднимите хоть что-нибудь, махнул рукой Кирилл, – школу завтра просплю.

– В следующий раз не опаздывай, и я подумаю над твоей просьбой. На сегодня закончим.

Кирилл разочарованно кивнул. Выпрыгнув из кресла, поспешно влез в курточку. Выскочил за дверь. Снова послышалась возня. В кабинет, стуча каблучками, впорхнула дама. Вертя шляпкой на длинной изящной шее, размашисто плюхнулась в кресло. Покрепче, словно закрываясь от опасности, прижала к себе крупного пепельного кота, который впился в Никона ледышками глаз еще у самого входа. Восторженно пропела:

– Меня чуть не убили! Только что! Этот ужасный чурбан! Где вы были?!

– Мы были в наушниках. Психосонар, – солгал Никон, дабы не выслушивать обвинения в бездействии.

– Что же вы врете! – досадливо возмутилась женщина, – электричество отключали!

– Система имеет автономное питание, – ровно протянул Никон, спросил: – Вы Екатерина?

– У Вас все в графике написано. Поэтому, впредь, я попрошу Вас избавить меня от глупых вопросов.

– Я Вас не узнал. Вы выглядите намного моложе, чем на фотографии в расписании.

– Действительно? – женщина поправила прическу и едко бросила: – Если не способны узнать по фотографии – сканируйте паспорт!

Никон потянул со стола планшет, погладил пальцем, выполняя требования посетительницы. Констатировал:

– Да, Вы Екатерина. Как меня зовут, надеюсь, вы уже знаете. То, что я буду заменять Мартина Смита, вы тоже знаете. Расскажите, пожалуйста, о нем.

– А что рассказывать? Мартин был специалистом с большой буквы. Я ему очень благодарна за поддержку. Он меня спасал. Даже страшно подумать, что теперь со мной будет, если у вас под дверью творится черт знает что, а Вы даже не интересуетесь.

– Я постараюсь Вам помочь.

– Да что вы говорите? Постараюсь помочь! – передразнила, – вы загоните меня в могилу! Нервно погладила пушистого друга. Кот, по сложившейся традиции, томно прикрыл фиалковые ледышки и блаженно заурчал.

– Уж этого точно не случится. Моя работа – Вам помогать, – повторил Никон, – расскажите немного о себе.

– Да Вы уже не знаете, чем занять эти двадцать минут! Анамнез мой не читали, небось!? Сколько вы работаете? Какой у Вас опыт? Эх, Мартин, Мартин! – подперла голову ладонью, – на кого ты меня оставил.

Никон расслабился. Вообще забил на посетительницу, задумался. Если человек пытается тебя провоцировать и унижать с первых минут знакомства – разговаривать с ним не только бесполезно, но и опасно, решил он. Отсутствие желаемых реакций – вот самое сильное средство, которое можно применить в такой ситуации. Уставился в планшет, чтобы не смотреть на очередного озлобленного абонента. Провел по экрану пальцем.

– Вы что это делаете!?! – взвизгнула дамочка (так про себя почему-то окрестил ее Никон), – Если вы полезете в мой баланс, я буду жаловаться вашему супервайзеру!

Никон отреагировал на ее реплику, размашистым жестом по глянцу экрана.

– Я все чувствую! Что вы там меняете?! Адреналин? Глутамин? Учтите – это вам даром не пройдет. Вы нарушаете мои права! Я вас по судам затаскаю!

Не дождавшись ответа, дамочка подскочила и, протянув длинную руку в розовой перчатке, выхватила пластину. Уставилась в экран. Порывистым, раздраженным жестом пролинула свой анамнез.

– Действительно, как-то не очень молодо я тут выгляжу. Вы можете поменять фотографию!?

– Пожалуйста, – пожал плечами Никон.

– Возьмите из сети. Там у меня есть хорошенькая.

– Ок.

– Ладно. Вы меня утомили. Если так будет продолжаться, через пару сессий я буду требовать другого специалиста.

– Ваше право.

– И вас даже не беспокоит, как это скажется на вашем индексе?

– Беспокоит.

– Так почему же вы не пытаетесь исправить положение?

– Как?

– Да хотя бы ведите себя пристойно. Беспокойтесь о ваших абонентах.

– Хорошо, я постараюсь.

– Постарайтесь, – бросила дамочка, – И... – сделала многозначительную паузу, – Мартин прописал в моем суточном сценарии цикл уровня дофамина и анандамида. Не вздумайте туда лезть. Такого вмешательства в личную жизнь я точно не потерплю.

– Договорились, – покорно кивнул Никон.

– До свидания!

Хлопнула дверь. В проем робко заглянул истребитель, пытавшийся давече уничтожить обладательницу ажурной шеи и ее теплое пушистое друга.

– Никон, я себя что-то не очень хорошо чувствую. Поставьте мне визит и отпустите домой. Хорошо?

– Хорошо, идите Виктор Сергеевич. Только выполните до следующей встречи одно задание. Опишите на бумаге то, что произошло сегодня в коридоре. Как? Почему? Что Вы чувствовали? Хорошо?

– Хорошо.

Дверь захлопнулась. Никон тяжело выдохнул, рухнул на стол. Вечер пятницы, когда кратковременная память забита событиями и диалогами целого дня, а происходившее на неделе, еще не успело разложиться по полочкам долговременной, всегда тяжел. Но эта пятница оказалась одной из самых тяжелых за последнее время.

Не отрывая голову от стола, набрал Паулу и тихо попросил откорректировать его баланс для отдыха после тяжелой недели. Та поначалу сопротивлялась, рассуждала об осторожности и здоровье. Никон умолял, и начальница, сдавшись, оборвала связь. Через минуту теплая волна прошла по телу от затылка к копчику. Глаза увлажнились. Дыхание стало глубже и легче.

Никон лежал еще некоторое время на занемевших уже руках. Потом нехотя поднялся, стал собираться домой. Перед тем, как покинуть кабинет, на секунду задумался. Зашел в анимез Кирилла. Ввел пароль коррекции. Нашел в схеме серотонин и немного приподнял его уровень на пару часов. Осень – время плодов и депрессий. Первому надо радоваться, а со вторым бороться.

Глава 2.

Привычка в пятницу, после тяжелой трудовой недели, растворять напряжение в горьковатой, пузырящейся янтарной жидкости, сегодня приносила горькие же плоды. Сергею Петровичу не только работать – бодрствовать не хотелось. Жить еще хотелось, выпить холодного и кислого хотелось, а вот ходить, смотреть, слушать и говорить – неумоготу совсем. Многие из сидящих в конференц-зале это заметили. Большинство из заметивших поняли и посочувствовали. Некоторые пребывали в похожем состоянии.

Сергей помахал над головой ручкой, словно маленьким флажком на митинге. Переливчатый шум, обычно сопровождающий обмен информацией в толпе, постепенно стих. Выдал банальную фразу:

– Попрошу несколько минут внимания!

– Ради нескольких минут внимания утром в субботу мы тащились через весь город!? – возмутилась дама, прической и одеждой занимавшая не только свой стул, но и частично соседние. – Вы что, звезда эстрады?! Или депутат!?

– Эвелина Никитична, если вам нравится, можете остаться здесь и подольше, – бросил кто-то. – Автограф возьмете.

По залу прокатился смешок. Сергей Петрович, дождавшись тишины, продолжил:

– Мы собрали вас здесь, чтобы поговорить о трагедии, произошедшей с Мартином Смитом.

Тишина в зале углубилась и напряглась. Так, наверное, замирают джунгли от звука близкого выстрела. Даже недовольная ранним визитом дама, стала осторожнее ерзать на своих трех стульях.

– Как вам уже известно, он был убит, – перешел прямо к делу следователь. – Всех вас объединяет то, что к вам перевелись его абоненты.

– И вы хотите узнать, кто из нас будет убит следующим!? – не сдержалась обширная дама.

– Если вы будете помогать следствию, этого не случится, – поспешил парировать Сергей.

– Мы должны их теперь допрашивать? – все более распалаясь дама.

Сергей, будучи бесконечно благодарным неугомонной искательнице истины за помощь, спокойно пояснил:

– То, что убийца Мартина Смита числится в списке абонентов Мартина Смита, имеет некоторую вероятность. Это одна из версий. Но бояться не стоит. Я хочу попросить вас быть к ним внимательнее. Наблюдать, фиксировать подробности, делать выводы.

- Мы тоже хотим знать подробности, – уцепилась за фразу массивная дама.
- Вам с фотографиями и отчетами судмедэксперта?
- Да просто расскажите своими словами, – поддержали требование с переднего ряда.
- Это похоже на ограбление, – сдался Сергей. – Вечером в четверг по дороге с работы домой пропал. Найден за городом в лесопарке. Личных вещей нет. Корректор индивидуальный, он же коин, изъят.
- Ужас-то какой! – выдохнула женщина в сиреновом свитере. – Хоть бери да увольняйся.
- Вырезали его что ли? – не поверил статный мужчина с бородкой.
- Да. Именно так. Прибор удален.
- А энграммы пробовали восстанавливать?
- Энграммы частично восстановлены, – согласился Сергей. – В памяти потерпевшего полезная для следствия информация пока не обнаружена.

Никон брел домой медленно и нехотя. Суббота выдалась не дождливая. Сквозь клочковатые, перфорированные края облаков иногда даже пробивалось солнышко. Уже не такое горячее и бодрое как совсем недавно, но еще и не такое анемичное как зимой. Хотя, зима уже близко. Город, как и пешеход, вопреки традиции, установившейся за предыдущие сотни лет, солнцу не радовался. Возможно, словно пожилая, но в душе оставшаяся молодой, красавица и модница он чувствовал, как свет обличает все подробности неумолимого старения. Фасады домов от резких, жестоких перепадов влажности и температуры заметно потрескались и осыпались. Разросшиеся хаотично кусты, казалось, словно вуаль, могли бы спасти модницу от прямого взгляда, прикрыть следы разрушений. Но вуаль эта, и сама выглядевшая странно и неряшливо, быстро таяла в преддверии надвигающихся холодов. Асфальт дорог, много уж лет не выдавший косметики, был рассекаем глубокими морщинами и неровностями. Шевелился, словно от старческого кашля, под ногами, мешая идти. Заборчики и оградки, прежде радовавшие глаз цветными завитками, теперь бурели вдоль дороги рельефной ржавчиной. Редкие троллейбусы и автобусы, словно эритроциты крови, застывающей в жилах дряхлой красавицы, двигались по широкому проспекту, осторожно объезжая большие и мелкие лужи неизвестной глубины. Жалкие остатки былого величия.

Город не радовался солнцу потому, что жители его разучились это делать. Брели по улице с серыми безучастными лицами, не обращая особого внимания ни на солнце, ни на былую красоту, в его лучах оживающую. Не обращая никакого внимания друг на друга, словно совсем чужие. Как почувствовалось в сотый раз Никону: словно человек человеку уже почти и не человек. Словно связи, которые собирают людей в нечто большее чем толпа, полопались от чрезмерного напряжения. Остались лишь тонкие, упругие и, от того, живучие, но совершенно никудышные, резинки базовых потребностей. Осталось некое подобие социального организма, утратившее разум.

Глава 3.

Ртутная капля взгляда прокатилась по бежевой стене. Запуталась ненадолго в густой шевелюре комнатного плюща. Потом высвободилась, резко метнулась в пышную прическу мамы и скатилась по ее лицу и шее в зону декольте. Она не заметила. Сама запуталась взглядом в кучерях сына. Не могла освободиться. Что-то удерживало ее внимание на светлой большой головке с высоким лбом. На миловидном личике, совершенно невыразительном, как пластиковая маска. Так зависают над страницей исписанной непонятными символами, над загадками. Мышление, не в силах понять перешло в холостой режим, но внимание и восприятие еще тщатся.

Для приличия Никон на некоторое время заглянул в планшет. Потом непроизвольно опять заскользил по выразительной фигуре, достойной внимания скульпторов и художников. В очередной раз прочитал напряжение и отчаяние. Уловил тоску и надежду.

Егор, оживленно тарабанивший миниатюрными потными пальчиками по большому квадрату сенсорного экрана и изредка вздрагивавший в конвульсиях, тяжело выдохнул и обмяк на стуле. Вероника подалась к нему, освободила от наушников, прикоснулась прохладной ладонью к разгоряченному лбу, обняла и поцеловала. Егор никак, видимо, не отреагировал. Не ответил на нежность матери. Закрыв глаза, моргнув, снова потянулся к экрану. Глянец не ответил на прикосновение, остался черным. Маленький человек принялся водить по нему указательным пальцем, рисуя замысловатые фигуры.

Оставив далекого сына колдовать над черным квадратом женщина, словно впитав его холод, обратилась к Никону:

– Что скажете?

Вопрос, заданный таким тоном, поставил в тупик. Что сказать? Сказать: негативное подкрепление в виде коротких ощутимых, но безопасных разрядов в ногу дало свои жестокие и ненужные результаты? Сказать: полчаса били током маленького ребенка для того, чтобы подтвердить и так уже известное? Сказать: теперь он показал еще более заоблачный результаты для невербального интеллекта, при этом опять провалив тесты на социальный? Сказать: из мира колючих математических абстракций его нельзя выбить не менее колючими электрическими разрядами? Что сказать этой замерзающей от ледяной безнадежности женщине?

– Очень высокие результаты, – пожал плечами Никон, силясь сделать свое лицо таким же пластиковым, как у Егора. – У вас растет гений... гений в определенной области.

– У меня растет компьютер, – дрогнувшим голосом процедила Вероника.

Почувствовав, как глаза покрываются тяжелой, влажной и от того постыдной пленкой, она отвернулась к окну. Завозилась. На ощупь достала из сумочки вышитый остролистыми цветами платок, прикрыла им изящную переносицу.

Про себя Никон вздохнул с облегчением. Сейчас ему проще помочь плачущей матери, чем кандидату химических наук, сын которого сбежал в мир объектов и совершенно не желает взаимодействовать с субъектами.

Сделав пару глубоких вдохов, Вероника справилась с собой. Так, что у Никона чаще забилось сердце, провела расслабленной рукой по утомленным глазам. Продолжила:

– В спецшколе требуют обновлений анамнеза. Мартин не давал обновления, пока не завершится цикл исследований с применением негативного подкрепления. Что мне им передать?

– Я открою доступ ко всем обновлениям после того, как закончу анализ, – ответил Никон. – Передайте, что я хотел бы поговорить с их специалистом. Есть некоторые предположения, которые я хотел бы с ним обсудить.

– Вы только и можете, что обсуждать? – с отчаянием махнула Вероника. – Мартин тоже все обсуждал, обсуждал и ничего не менялось.

– Расскажите, пожалуйста, о Мартине, – стараясь дать своим оживлением импульс, попросил Никон.

– Что рассказать?

– Насколько он был внимателен к вашей проблеме?

– Сначала был внимателен. Даже что-то обсуждал, – язвительно заметила Вероника. – Потом все вошло в какой-то замкнутый цикл, и он пустил проблему на самотек. Плановая диагностика, сухие отчеты, дежурные слова поддержки.

– У всех ресурсы ограничены, – задумчиво заметил Никон.

– Не надо оправдываться. Я не сужу. Я ему благодарна. Он очень внимательно корректировал мой баланс. Я забыла, что такое приступы острой депрессии. Он делал, что мог. У нас у всех ресурсы ограничены.

Женщина взглянула на сына. Быстро вздохнула, стараясь сдержать слезы. Опять промокнула ресницы цветастым платочком.

– Я тоже постараюсь быть внимательным к вашему балансу, – стараясь загладить собственное бессилие, пообещал Никон.

– Буду Вам очень признательна, – ответила Вероника, поднимаясь с кресла.

Подошла к сыну, все чертившему на черном глянце образы из своего далекого мира. Погладила по головке. Потянула за локоть со стула. Начала одевать. Егор, подчиняясь движениям, бездумно смотрел перед собой. Он пребывал не здесь. Он сюда даже не приходил. Никону показалось – заговорив на языке, понятном сыну, Вероника тоже выпала из нашей действительности. Вынужденно на время утратила связь с ней, для того чтобы передать сыну простые просьбы.

Когда все вещи натянулись, Егор вдруг подошел к столу, схватил фиолетовый масляный карандаш из дежурной пачки. Как раз для таких, как он. На ближайшей светлой поверхности – стене принялся рисовать. Вероника, отвлекшаяся на свой плащ и шарф, хотела было остановить сына. Никон запретил. Руками подал знаки молчать и замереть. На стене появились небольшого размера кружки, квадраты, треугольники и звезды. Когда Егор соединил их линиями, фигуры стали узлами большого созвездия. Чем-то оно походило на старого доброго Чебурашку или, возможно, Микимауса. В центре пятиугольная мордочка на тонкой шейке. Из нее торчат вверх большие шестиугольные уши, одно из которых с сережкой. Завершив работу, мальчик выронил карандаш, побрел к маме.

– Господи! Что это? – удивилась Вероника.

– Возможно, реакция на невербальный тест. Вам это созвездие ничего не напоминает?

Женщина задумчиво провела пальцами по фигурам и линиям. Почти не касаясь, словно поглаживая воздух над ними. Такими же движениями она только что ласкала сына. Медленно очертила фрагмент созвездия, похожий на знак бесконечности или положенную на бок восьмерку. Соединенные вместе шестигранник и пятигранник. Обвела третье кольцо. Стекло глядя на рисунок, медленно выдавила:

– Если представить, что треугольник – это атом азота, квадратики – атомы углерода, а кружочки – водород... То, вот эта часть – похожа на молекулу индола. И еще одно колечко.

Аккуратно погладила следы карандаша вокруг восьмерки с лишним кольцом. По кругу, последовательно шупая весь периметр.

– А эти атомы делают из циклической структуры какое-то органическое соединение. Я не помню. Надо поискать в справочнике.

Вероника заикнулась, словно тройной знак бесконечности поглотил ее разум. Никон почувствовал, как ее субъективное время увязло в круговороте Чебурашкиных контуров. Попытался вывести из звездного плена, разрядить обстановку:

– Вот видите, весь в маму. Уже и молекулы рисует.

Глаза Вероники увлажнились. Мама встала на колени рядом с сыном, крепко прижалась. Зарыдала, повторяя одну и ту же фразу:

– Молекула ты моя! Индольчик ты мой!

Выплакавшись, ушла. Не попрощалась, словно и она сегодня сюда не приходила.

Никон засмотрелся на разветвленный граф молекулы. Подмигнув, улыбнулся Чебурашке. Сделал несколько глубоких вдохов, размышляя над загадкой. Вдохи показались очень долгими. Вдруг почувствовал, как и его вязко и цепко затягивает в абстрактную бездну тройной бесконечности. Ощутил, как уставший мозг, не в силах бороться, подчиняется жадной форме из фигурок и линий. Испугался, перевел дыхание, очнулся.

Схватил планшет, сохранил графики матери и сына за последние пять минут отдельным пунктом анамнеза. Туда же добавил и фотографию фиолетовой настенной живописи. Думать будет завтра. Утром. На свежую голову, а не после визита женщины, которой до страшных истерик кажется, что соседка по подъезду пытается соблазнить и увести ее сына. Не после попыток объяснить, внушить, вдолбить простую мысль о том, что не стоит искать врагов среди

сотрудников, одному мужчине. Утром. Когда каша, из различных субъективных интерпретаций одной и той же глобальной проблемы, переварится и усвоится. Уже без всяких наваждений.

Глава 4.

Каким вырастет ребенок, если его родители будут постоянно менять свое представление о жизни? Если сегодня хорошо одно и ребенка учат стремиться к этому, а завтра смысл жизни разворачивается на сто восемьдесят градусов, ребенок видит другие цели и должен вырабатывать другое представление о мире? Что будет, если родители будут безрезультатно метаться от одной крайности к другой? Будут иррационально перебирать ценности, ставя на место важного и значимого второстепенное или даже вредное? Будут внушать ребенку ложные цели? Что, если с детства вместо стабильности и целесообразности ребенок будет видеть череду ошибок?

Каким вырастет ребенок в семье, где неудачи, вызванные бессмысленными ошибками, будут возбуждать у всех закономерные раздражение и озлобленность? Каким будет ребенок, воспитанный безумными родителями? Ответ напрашивается сам собой – ребенок, с большой долей вероятности, вырастет похожим на родителей.

Далеко ходить не надо. Достаточно изучить статистику.

Да, во многих случаях дети родителей с расстройствами психики вырабатывают компенсаторные механизмы, можно сказать – иммунитет и стремятся к норме. Затрачивая огромные усилия, чтобы из предложенных им моделей поведения, взаимодействия с миром, исключить «неправильные» и пагубные, они «очищают» свое сознание от «ядов», которые поневоле употребляли.

Но ведь не все имеют такой ресурс. Механизмы, сформированные в раннем детстве откорректировать очень сложно. Они находятся в фундаменте личности, включены во многие процессы. Попытка изменить их может привести к разрушению всего здания. Инстинкт самосохранения запрещает это и очень ограничивает такие изменения. Какой бы ни была личность, каким бы ни было представление о самом себе и мире, это представление стремится к целостности и завершенности. Непротиворечивости. Осознавать несовершенство своего ума, своего Я – вероятно, самое большое страдание. Менять свой ум усилием своего же ума намного сложнее, чем сделать себе операцию. Да и как можно при помощи поломанных инструментов исправить поломанные инструменты? Это замкнутый круг.

В державе и в Городе такое «воспитание» продолжалось десятилетиями. Бушевала жесточайшая информационная война. В умы, опутанные коммуникационными сетями, в различных обертках пропихивались совершенно антагонистичные идеи. Лозунги коммунизма, национализма и либерализма, закодированные в тысячи ярких разноцветных образов, лились через медиaprостранство в бессознательное граждан мутной бурлящей рекой. Хаотичный и паранойальный поиск внешних врагов, виноватых в бедствиях и страданиях, натягивал истонченные нервы до предела. Ложные, недостижимые миражи, красочно расписанные корыстными хитрецами и заманчиво блистающие за пропастью разрухи, влекли к опасному краю.

Правительства сменяли друг друга с поразительной частотой. Пару лет у руля государства кардинально снижали рейтинг любой из политических сил. Национальные герои, словно по мановению волшебной палочки, становились предателями и изгоями. Преступники и подонки, так же стремительно, взлетали на самый верх. Через непродолжительный испытательный период их ждала участь поверженных героев.

Поведение вечно дробящегося и расщепляющегося на противоборствующие фракции парламента, более походило на бред и метания шизофреника. В тщетных попытках увеличить предел терпимости к государству-безумцу, в войне за умы избирателей, применялись самые современные и, поэтому, самые изощренные и страшные методы. Великая цель всегда оправдывала любые средства. На службе у политических сил состояли талантливые рекламщики, психологи, социологи. И о том, какое психотронное оружие применялось, какие вирусы создавались злыми гениями, никто из них не расскажет.

В конце концов, это принесло свои страшные плоды. Народ, который доверился лжецам и проходимцам, просто обязан, согласно извечному сюжету, лишиться самого ценного – будущего. В театре информационных военных действий росло поколение, в памяти которого не сохранилась эпоха стабильных целей и ценностей. Поколение, напичканное совершенно противоречивыми медиавирусами и внушениями. Поколение, которое вначале года уверяли, что нечто – черное зло, а в конце года, что это – белое добро. Выросло поколение, неосознанно ненавидящее свое прошлое и свою культуру, а значит, и самое себя. Поколение, которое, привыкнув к изменчивому, амбивалентному внушению извне, растерялось, заблудилось, утратило способность к саморегуляции.

Все проявилось быстро и неожиданно. Словно обломилась ветка, на которой сидели «хитрые» дураки с пилой. Словно чья-то рука щелкнула тумблером с надписью «порядок-хаос» или «норма-патология». Население державы и Города заболело тем, чего боятся больше рака и СПИДа. Разразилась психиатрическая эпидемия. Количество убийств и самоубийств за год выросло в несколько раз и продолжало стремительно взлетать. Успеваемость в школе сползла. Рождаемость рухнула в яму. Социальные институты и службы легли под напором бурной лавины. Мобилизованные государством, психиатры и психологи, не справляясь с волной проблем, сами начали сходить с ума. На карте Европы появилась еще одна опасная зона, которую тут же поспешили огородить непроницаемым кордоном.

Тема локального психиатрического кризиса будоражила самые светлые умы запада и востока. В державу ринулись тысячи ученых, охотников за открытиями и диссертациями. Философы, получив в свое распоряжение свежий объект для размышлений, устраивали целые баталии. Тендеры на мега-поставки новых нейрореплетиков, транквилизаторов и антидепрессантов опустошили государственный бюджет.

Как обычно водится, система после кризиса стабилизировалась. Пришла в состояние хоть и нежелательное, но устойчивое. При помощи международного сообщества и множества гуманитарных организаций началось создание аппарата, который мог бы с наименьшими затратами остановить развитие невиданной пандемии.

Современные технологии пришли как раз кстати. Созданный к случаю международный институт психодиагностики явил миру программно-аппаратный комплекс, позволявший за несколько часов построить многомерную модель психики и выдать экспертное заключение о рисках. Уже набравшая к тому времени обороты корпорация NeuroTec заявила о создании прибора для анализа и регуляции уровня нейромедиаторов и гормонов в реальном времени. Небольшое колечко – фабрика из молекулярных машин, нанороботов одетая на крупный сосуд и подключенная к общей сети, позволяла надежно, в автоматическом режиме, купировать большинство психологических и психиатрических проблем.

Детали сложились в общую конструкцию. После молниеносного падения в долговую кредитную пропасть, держава обзавелась единственной в мире уникальнейшей системой, к которой сходу подключили целую четверть населения. Каждый абонент обзавелся маленькой индивидуальной фабрикой по производству любых веществ и медикаментов прямо в организме. Встав на страже здоровья нации, Мнемонет начал крепнуть и развиваться.

Глава 5.

Мадам нисколько не изменилась. Та же милая заигрывающая улыбка. Та же прическа в греческом стиле, подчеркивающая нервный изгиб бровей над гордым прямым носом. Тот же внимательный вязкий взгляд снизу, с высоты небольшого роста. На отвороте строгого серого пиджака красуется большой значок с логотипом Мнемонета – призван четко определить, кто есть кто.

То ли мир так тесен, то ли петля профессиональных кругов крепче затянулась на шее. Все сложилось именно так. Никон опять стоит и внимает английской речи с французским прононсом. Стоит и страдает от того, что очень простые мысли эта женщина способна многократно

повторять разными словами и предложениями. Не жалеет времени на труд тщательно разжевать своей немного отвисшей челюстью банальную, по сути, идею и выплюнуть в эфир.

Никон уже знает, почему она говорит именно так. Раскусил это еще тогда, в прошлой жизни. Раскусил, но не сразу.

Сначала внимательно вслушивался в длинные монологи и пытался извлечь новое, еще не понятое. Потом, не обнаружив ничего достойного для размышлений, больше от скуки, чем из интереса, вчитывался в содержание ее личности. Потом, когда причины такого общения объяснил для себя ее характером, педантичным и вязким, старался сдерживать раздражение, порождаемое чувством бессилия что-либо изменить. Изыскивал способы не пришибить грессбухом эту мадам Мурашкину.

Никон ошибся. Почему-то, привык начинать с поиска причин. Постепенное накопление фактов всегда вынуждало мыслить индуктивно – от частного к общему. Приветливая улыбка девочки-пенсионерки ввела в заблуждение.

Все встало на свои места, когда задумался о ее цели. Уже знал – длительное время она работала клиническим психологом. Уговаривала больных раком на химеотерапию. Способности развиваются из задатков. Как педантичная, чрезмерно аккуратная, уравновешенная женщина с каллиграфическим почерком может внушить человеку рискнуть немногими оставшимися месяцами жизни? Вот, именно так: бесконечно повторяя одни и те же мысли разными словами. Создавая иллюзию беседы и миллиметр за миллиметром размывая инстинкты и подтачивая волю.

Тогда слишком поздно осознал, что раздражение – защитная реакция. Вооруженный логикой и знаниями, еще не остывший после общения с преподавателями, по привычке пытался завязать профессиональный спор. В хлам. Логика и факты бессильны против монотонно повторяемых мантр. Бессмысленно спорить с телевизором.

Значок на груди поблескивает золотом в едком свете диодов. Гипнотизирует своей парадоксальностью. Трехмерный кроссворд из шести букв на фоне бесформенного, заштрихованного паутинкой облака. К слову «NET» над буквой «N» приписана укрупненная перевернутая омега, долженствующая символизировать букву «M». Ножки ее внизу немного согнуты, как суставчатые коленца. От «E» спускается вниз и вдалеке слог «mo». В нем буква «m» вписана в букву «o» так, что слог кажется торчащим внутрь. В итоге, слово «MNEmo» имеет со словом «NET» общий слог «NE» и читается по зигзагу сверху вниз. «M(NET)mo». Заглавная «N» с удлинением вниз и загнутой вправо аж до самой «o» ножкой, очень похожа на кривую молнию или даже серп. «T» чем-то отдаленно напоминает лабрис или молот. Что должна символизировать перевернутая двояковыпуклая омега, для Никона до сих пор загадка. То ли полушария головного мозга, то ли другие, более важные части человеческого тела. Все зависит от того, с какой стороны смотреть. Кому как больше нравится.

– Вы слушаете меня!?

Русская речь с французским прононсом вырывает из липкого тумана воспоминаний и размышлений. Да, она еще и на русском что-то говорит, но понимает не всегда.

– Yes, – кивает Никон, стараясь скрыть раздражение.

– Ок. Я пытаюсь объяснить, почему Вас перевели именно под мое руководство, – заводит нудную песню сначала. – Я была супервайзером Мартина. Поскольку я знакома с его работой – это может помочь следствию. Всех специалистов, к которым перевели абонентов Мартина, перевели под мое руководство. Вы понимаете?

Никон снова кивает молча, внутренне усмехаясь мысли, что мадам повторяет это больше для себя, чем для собеседника. Дабы лучше понять и уразуметь происходящее.

– Это конечно неожиданное стечение обстоятельств. Я даже и представить себе не могла, что когда-нибудь опять буду вашим супервайзером. Надеюсь, за эти годы Вы изменились в лучшую сторону и не будете спорить по пустякам. Вы уже не тот мечтательный выпускник.

Уже понимаете – в любой работе надо придерживаться правил. Я смотрела ваш профиль. Вы закончили курсы повышения квалификации с высшими баллами. Вы молодец. Я верю – у вас все хорошо получается. Я буду наблюдать за вашей работой. Это моя обязанность. Я тоже отчитываюсь перед региональным координатором. Необходимо будет собрать информацию об абонентах, которые перешли к Вам от Мартина. Вы должны быть к ним очень внимательны. Каждая мелочь может быть важна. Вы меня слушаете?

Погружение в память опять прерывается. Подробности, начавшие было проявляться из аморфной пучины образов, снова тонут в ней. На берег сознания удается вытащить лишь протухшую рыбину воспоминания о том, что в и былые времена мадам обвиняла в негибкости, сама при этом, будучи инертной и ригидной до невозможности. Анализируя ситуацию тогда, понял – это, говоря языком психоанализа – защитный механизм перенос. Существует такой, очень неприятный для окружающих, способ бороться с дефектами собственного характера. Наделяешь своими неприятными чертами доступного человека, а потом доблестно с оными в нем борешься. Бывает, даже, помогает. В случае Мадам, не смотря на все жертвы, прогресс нулевой. Черта-то какая – инертность, ригидность, неспособность к изменениям. У нее-то иммунитет, с ней бороться – все равно, что макушку сквозь стальную каску чесать.

– Вы опять где-то витаете, Никон? Я чувствую, что Вы где-то не здесь. В этом Вы нисколько не изменились. Тогда я много думала о причинах. Пришла к выводу – это свойство вашей личности. Вы склонны к абстрактному мышлению. Я снова хочу, чтобы Вы поняли: главное в нашей работе – следовать конкретным правилам и предписаниям. Здесь мало места для творчества. Нам нельзя допускать ошибки. Надо собраться и работать. Ваш народ гибнет. Статистика усугубляется с каждым годом. И именно вы несете на себе долю ответственности.

Наигранно приветливый, участливый тон сквозь натянутую улыбку напрягает. Может, от подобных противоречий все и походили с ума? Никон тяжело вздыхает. Борется с желанием молча развернуться и уйти. Ну, вот как так-то? Почему начальником опять стала женщина, умеющая лишь ограничивать себя и других согласно предписаниям? Женщина, которая не утруждая себя подвигом заглянуть поглубже, судит по каким-то примитивным, поверхностным критериям. И, ведь правила она усугубляет. Сама ищет возможности затянуть гайки посильнее без объективных причин. Никон опять, от наблюдательной скуки и немного протеста, начинает погружаться в анализ. Размышляет о детстве, родителях, воспитании своей новой начальницы. О причинах неудач в личной жизни и отсутствия детей. Неосознанно пытается оправдать. Строгое религиозное воспитание. Фанатичные родители, заставляющие по расписанию молиться и читать библию. А может быть учителя в школе, возведшие скрупулезность и педантичность девочки зубрилы и отличницы в ранг высшей добродетели. Что-то же сформировало такой характер из унаследованных задатков? Где-то же он такой полезен в нашем разнообразном мире! Да, конечно, очень даже, полезен на множестве должностей. Даже на этой! Только не надо все доводить до крайности!

Никон не успевает ответить вовремя. Между собеседниками виснет тонкая тюль тишины, которую так не хочется рвать словами. Мадам, наклонив прическу в греческом стиле вниз и вправо, выжидающе смотрит из-под наигранно удивленно поднятых бровей. По привычке пытается улыбнуться, но напряжение деформирует улыбку в гримасу отвращения. Никон выдавливает из себя полагающиеся в такой ситуации стандартные фразы с ключевыми словами:

– Я Вас понял, мадам. К абонентам Мартина буду внимателен. Постараюсь следовать инструкциям и собрать конкретные факты. Отчеты буду писать вовремя. Разрешите идти?

Мадам качает головой. Никон кивает в ответ. Разворачивается и, ловя момент, пробирается к выходу.

– Да, еще хотела сказать, – подрезает в полуметре от двери, – что обнаружила небольшие злоупотребления вашего прежнего супервайзера. Она корректировала Ваш баланс вопреки анамнезу и рекомендациям экспертной системы. Я, конечно, так поступать не буду.

Никон держится за дверь, как за спасательный круг. Кивает еще раз в пол оборота. Дослушивает приговор до конца. Падает в спасительное пространство коридора. Мир снова обретает красочность и объем. Живет.

Как же давно это было!

Внедорожник с белым флагом стоит в очереди на первом блокпосту. Всего на пути их будет четыре. Едкий морозящий дождик впивается в покрасневшие лица солдат, в их замызганные перчатки, бушлаты и штаны. Стекает по потертым берцам в грязные глинистые лужи. Все вокруг глинисто-серо: железобетонные блоки, уложенные поперек дороги так, чтобы создать лабиринт, сама дорога, неуклюжие норы-землянки, вырытые на обочине, обвисшие палатки, из которых валит дым, поле. Лишь полосы национального флага немного разгоняют серость. Но блеклые, покрытые все той же серой пылью цвета, не радуют. За время, пока машина стоит в очереди, бессмысленная суровая атмосфера блокпоста проникает в комфортный салон.

Паспорта приготовлены заранее. Пассажиры ждут своей очереди. Смотрят в окна. Водитель Саша не отрывает стекленеющих глаз от солдата, неспешно слоняющегося за знаком «STOP». Ловит приглашающий жест, трогается. По пути опускает стекло. Заискивающе здоровается. Хмурый солдат кивает, задает уже привычный вопрос:

– Куда едете?

– В Ротамарк.

– Цель поездки?

Водитель отчеканивает стандартную фразу:

– Международная благотворительная организация. Едем оказывать переселенцам из зоны боевых действий медицинскую и психологическую помощь.

Солдат вяло кивает и бросает:

– Паспорта.

Саша протягивает стопку. Мокрая, засаленная вязаная перчатка хватает ее, открывает верхнюю книжицу. Листает. Всматривается то в фотографию, то в лицо владельца. Владелец, в свою очередь, наблюдает, как мелкие капли орошают желтые, затасканные страницы. Открывает второй. Третий. Четвертый.

– Бельгийка? – спрашивает, тыча в Катрин.

– Ага.

– Понятно, проезжайте.

– Oh, look! What is this!?! – кричит, вдруг Катрин.

– Самолет? – делает предположение Настя.

– О, это, мадам, ракеты полетели, – авторитетно комментирует Андрей. – Две штуки. Одна, видите, уже отработала и пошла по баллистической траектории. А вторая взлетает.

Зрелище страшное и захватывающее одновременно. Сама ракета видна плохо, хоть и погода ясная. Огненный столб на фоне голубого неба восходит стремительно. Оставляет жирный белый след. Создается впечатление – рука невидимого художника малюет на стеклянном холсте небесной лазури огненной кисточкой.

– Откуда это они летят? Из Ценода?

– Это ваши из Ротамарка стреляют по мирным жителям, – назидательно замечает Андрей. – По деткам и их мамам. А мы потом ездим их лечить.

– Почему это «наши»?! – оскорбляется Настя. – Вы тоже гражданин!

– Это, наверное, «Точка», – замечает Никон. – Такая может и за Ценод улететь.

– Потому, что я не поддерживаю людей, которые запускает тактические ракеты по мирным городам, – выразительно, в пол оборота цедит Андрей.

- По схизматам! – настаивает Настя. – На дорогу смотри, политик недоделанный!
- Ну да, а гибнут почему-то бабушки и мамы с детьми. Сейчас послушаем!

Андрей заводится или пытается завести, вернее, довести. Настраивает приемник на волну «Казачьего радио». Вслушивается в новости о наступлении на Лабед. Сухая статистика потерь боевой техники и личного состава.

- Пропаганда. Выключите этот зомбоящик! – переживает Настя.
- А давай послушаем, куда ракеты твои полетели.
- Да почему мои-то?
- На буйной площади была? За резидента голосовала?
- Я за свободу голосовала!
- Вот теперь смотри, что из этого вышло.

– Срочные новости. С аэродрома города Ротамарк десять минут назад был осуществлен запуск двух тактических ракет «Точка». Ожидаем информацию о месте попадания.

Страшные новости сменяются музыкой. Из динамиков мощной волной накатывают напряженные слова:

«...далее действовать будем мы!»

- Да выключите вы эту херню! – возмущается Настя.

Андрей не реагирует. Настя достает айфон, надевает наушники. Никон, сидящий совсем рядом, разбирает слова песни: «...воины света, воины добра...».

Долгожданная заправка показывается из-за поворота. Она привлекательна для пассажиров не столько возможностью заправить автомобиль или заправиться самим, сколько наличием обычно небольшого, обособленного строения с одной, а если и повезет – с двумя дверями. Первым к желанному укрытию спешит прыткий водитель. Вслед за ним бредут женщины. Когда подтягивается Никон, неподалеку от однодверной будки уже собирается небольшая компания. Вдруг, только что зашедшая мадам, выскакивает из-за двери с одновременно удивленными и восторженными воплями:

- Le trou est la! Le trou est la!

Язык Сартра и Лакана, естественно, никто не понимает. Андрей моментально реагирует пошлой шуткой, рассчитанной на русскоязычную аудиторию:

- Что, радость моя, паучок за жопку ухватил?

Все по привычке смеются. Озадаченная переводчица просит говорить на английском. Все так же удивленно, Катрин восклицает:

- There is hole there!
- Там дырка, – следует равнодушный перевод.

Андрей заглядывает за дверь, вероятно, ожидая увидеть дырку в стене. Пытается успокоить.

– Нет там в стенах никаких дырок. Никто не подглядывает. Мадам, ваша честь в безопасности! Хотите я посторожу?

Выслушав перевод, Катрин мотает головой, тычет пальцем в пол и удивленно восклицает все то же:

- There is hole there! The toilet is broken! It is dangerous!!

Тут уж даже те, кто сдерживался ради приличия, начинают нервно хохотать.

Глава 6.

День не заладился с самого утра. После разговора с Катрин, все дни стали тяжелее, но этот выдался особенно неблагоприятным. Сначала, женщина с диагнозом шизофрения, час рассказывала о том, как через коин с ней общаются пришельцы. Якобы, смещают баланс в ответ на ее действия. Сообщают, важную для всего человечества информацию. Пытаются подчинить ее жизнь своим целям. Требовала анализа записей в журнале коррекций баланса и, вообще,

особого внимания к ее персоне. Чуть ли не освящения в прессе. Грозил, в случае неучастия, походом к начальству. Никон, конечно же, охотно направил ее к Мадам. Пусть развлекаются. Потом, один гражданин с вьетнамским или афганским синдромом, вязко и нудно упрасивал пойти с ним в полицию и объяснить там, почему он избил жену и тещу. И зачем выбросил телевизор в окно. Потом был школьник, страстно желающий изменить пол. Вымогал с истерикой и слезами гормональной коррекции. Угрожал суицидом. Потом... Все перемешалось как кисель с майонезом и текло сквозь кабинет мутным тошнотворным ручьем. И не было ему ни конца ни краю.

Пожилой мужчина, напоминающий профессора, пришел на прием к Никону впервые. Наследство, доставшееся от Мартина. Седая борода, очки в роговой оправе, серая шляпа, пальто, саквояж. Все это говорило о его принадлежности к далекому прошлому веку.

– Здравствуйте, молодой человек. Имею честь представиться – Берестов Дмитрий Валентинович.

Гость поздоровался размеренно, но в то же время энергично. Разоблачился. Повесил артефакты былой эпохи на вешалку. Сел в кресло. Уставился на Никона внимательным цепким взглядом.

Никон не успел прочитать анамнез и подготовиться к визиту. Теперь делать это было неудобно. Начал с дежурной фразы:

– Как ваше самочувствие?

– Как обычно, – улыбнулся Дмитрий Валентинович, – как раз такое, как Вы можете прочитать в анамнезе.

– Я еще не успел посмотреть анамнез, – признался Никон. – Вы могли бы сами немного рассказать о Вашей проблеме?

– Молодой человек, у меня нет проблем, достойных Вашего внимания.

– Вероятно, была причина, по которой Вас подключили к Мнемонету.

– Вашей психодиагностической системе виднее, – пожал плечами Берестов. – Я был вынужден пройти процедуру, как преподаватель. Результаты показали сильный конфликт мотивов. Должен был согласиться на подключение ради работы.

– Делали анализ с Мартином Смитом? Получили представление, в чем заключается конфликт?

– Чтобы понять причину не достаточно быть аналитиком.

– Кем же надо быть?

– Человеком.

– Все мы люди.

– Спорный вопрос.

– Почему?

– Потому, что для ответа на этот вопрос надо сначала ответить на вопрос, что есть человек? Или кто? Вот Вы как думаете?

Вопрос может скатиться к политическому или религиозному, промелькнула мысль в сознании Никона. Согласно инструкции, разговоров на такие темы следовало избегать. Нейтралитет, непредвзятость, либерализм и плюрализм. Вот главные императивы. В то же время на поставленный вопрос надо дать четкий ответ. Иначе, контакт будет утерян. Работать станет тяжелее. Это может отразиться на индексе.

– На этот вопрос много ответов, – все же попытался съехать Никон.

– Мне интересен именно Ваш ответ на этот вопрос.

– И мне Ваш интересен.

– Я первый задал вопрос, – усмехнулся Берестов. – Вы же не думаете, я задал его, чтобы самому же и ответить?

– Не думаю.

– Вот и потрудитесь сформулировать.

– Чувствуется профессорская хватка, – постарался расшутить обстановку Никон. – Я думаю, что все мы рождаемся Homo sapiens, а людьми становимся, усваивая культуру, которая позволяет нам преобразовывать себя и мир. Преобразовывать саму культуру. Если вы хотите критериев для измерения человечности, то степень продуктивности преобразования себя и мира к лучшему можно считать таковыми.

– Абстрактно весьма, – ухмыльнулся Берестов.

– В общем.

– Тогда открывается еще один вопрос, сформулированный не одним классиком. Вот, Маяковским, к примеру. Что такое хорошо и что такое плохо?

– Насколько я помню, под этой формулировкой Маяковский дает подробное объяснение, – опять съехал к шутке Никон. – Солнце, смелость, порядочность, любовь к труду и науке – это хорошо. Град, трусость, неряшливость, леность и тупость – это плохо.

– Теперь Вы съехали к конкретным частностям. Это же начальный уровень. Для детей. Вы перечислили качества, которые формируются в ребенке, успешно усваивающем культуру. Качества, необходимые для преобразований.

– На основании этих частностей дети потом формируют общее представление. На основании этого общего представления, они могут трактовать любую частность. У них развивается способность к дифференциации.

Берестов затих, задумался провалившись взглядом за оконное стекло мимо каких то древних пятен. Медленно покачал головой. Не возвращаясь из-за стекла, с паузами произнес:

– У меня есть внучка. Дочь моего сына, которого я в свое время различать хорошее и плохое научил. Как надо воспитывать детей сына я тоже научил. Внучку воспитывал он. Я помогал. Любовь к науке и порядочность мы вращивали в ней с детства. Была почти отличницей. Училась в музыкальной школе. Мать у нее бойкая, даже немного истеричная, но тоже человек образованный, культурный. Внучка выросла. Поступила в хороший институт. Отучилась два курса, – голос Берестова дрогнул. – Вопрос: почему, будучи наученной различать хорошее и плохое в частностях, она употребляет наркотики и ведет совершенно беспорядочную жизнь?

– Плохая среда? – предположил Никон первое, оставшееся в результате исключения наследственности и воспитания.

– Как же. В группе дети интеллигентные. Она выпала из этой среды. Ушла из института.

– Нашла такую среду в другом месте.

– Да, Вы правы. А почему она, будучи наученной хорошему, искала плохое?

– Вероятно, что-то ее влекло.

– Но ведь, у нее развилось, как Вы говорите, общее представление. Я с ней много беседовал. Все с ней говорили. И знаете, экзамен по различению хорошего и плохого она сдает на отлично. Все понимает и осознанно стремится к плохому. Почему так? В чем причина?

– Что вам сказал об этом Мартин? Вы же задавали ему такой вопрос?

Берестов рассмеялся. Опять немного повитал за стеклом.

– Мартин – психоаналитик старой закалки. Он подробно изучил вопрос. Подробно разбирал результаты вашего чудесного психосканирования. Провел с ней долгие месяцы психоанализа. Все без толку. Вразумительного ответа не дал. И поведение ее никак не изменилось

– Возможно, все еще впереди? – попытался уйти Никон от ответа.

– А вот Вы. Вы же, наверное, тоже сформировали способность различать! – оживился Берестов, с облегчением уйдя от наболевшего вопроса. – Поделитесь, как вы различаете хорошее и плохое? По каким критериям?

– Думаю, в этом вопросе Маяковского поддержал бы Спиноза. Он писал, что многие люди в различении хорошего и плохого пользуются эмоциональным критерием: нравится – не нравится, приятно – неприятно. Это критерий детский. Часто приводит к ошибкам. Надо не

печалиться или радоваться – но понимать. И эмоциональное отношение, и понимание дают возможность различать, что полезно, а что нет. Польза – вот оптимальный критерий. Полезное – хорошо, вредное – плохо.

– Теперь опять в общем и абстрактно, – констатировал Берестов. – Хорошо, задам конкретный вопрос. Мнемонет полезен? Это хорошо?

Никон, прищурившись, взгляделся в лицо деда-искусителя. Спокойное лицо. Азарта игрока или охотника, загоняющего добычу, не читается. Какую же цель он преследует? А ведь такой не будет болтать без цели. Что хочет показать? Как повлиять? От абстрактной философии потихоньку съезжает к политике. Остается только отшучиваться.

– То, что мы можем вот так беседовать о важном – это полезно и хорошо. То, что Мнемонет решает проблему пандемии неврозов – это тоже хорошо и полезно.

– Внучке моей не помог, – скривился Берестов.

Никон замолчал. Он хотел еще продолжить хвалебный ряд, но заявление заставило его замолчать. Дыхание сбилось. В груди заныло. Стало не по себе. Он постарался никак не показать своего замешательства гостю. Ведь тот, наверное, этого и добивался. Секунды тишины разлились в минуты. Дед-искуситель, иногда поглядывая на Никона, тоже о чем-то размышлял. Наконец осмелился порвать зыбкое полотно. Даже не порвать, а аккуратно проколоть. Наклонившись вперед, и поймав зрочки Никона, он тихо процедил:

– А что в Мнемонете плохо и вредно?

Ответить Никон не успел. Берестов встал, быстро оделся, попрощался, слегка поклонившись, и удалился. Оставил хозяина кабинета в тягостном, подвешенном, незавершенном состоянии. Бесформенный дискомфорт, побуждающий к поиску способов его устранения, влился в форму вопроса еще звучавшего в пространстве между бежевыми стенами, увитыми плющом. Что плохо и вредно в Мнемонете? Агломерат из переживаний и логики за минуты разросся до пределов поля внимания. Заполонил Никона и окружающий его мир. Что плохого в Мнемонете? Вопрос пошатнул, подтолкнул в сторону из наезженной колеи. Никон не столько усилием воли, сколько благодаря якорю привычки устоял. Удержался в русле. Постарался изгнать вопрос за пределы поля внимания. Лишить его энергии своих переживаний. Получилось. Спустя некоторое время стало легче. Привычные краски и ритмы вернулись. Произошедшее накануне, затянуло туманом.

Глава 7.

Собираясь к следователю, Никон чувствовал себя ленивым безответственным студентом перед зачетом. Не со всеми пришедшими от Мартина достаточно пообщался. А у тех, кому уделил много времени, достойных внимания материалов собрал мало. Считаю – вообще ничего не собрал. Да и не хотел. Противилась душа его такой задаче. Даже сухой анамнез с цифрами и графиками считал он информацией личной и конфиденциальной. Рискнул поспорить об этом с Катрин, зная – придется выдержать трехчасовое внушение и еще сильнее подпортить отношения. Мадам мысль о том, что выявление преступника может не стоить нарушения прав множества абонентов, отвергла. Это женщина, положившая свою жизнь на алтарь правил и инструкций? За то, чтобы перекопать жизни тысячи человек вопреки уставу Мнемонета? Двойные стандарты! Ничего, выдержал. Ушел с чистой совестью и горькими мыслями о двуличных педантах.

Переживания оказались напрасными. Следователь в деле поиска подозреваемых продвинулся не дальше Никона. Он еще не сталкивался с такой постановкой задачи. Не знал, по каким критериям отбирать кандидатов. Увяз и запутался в предположениях, подключенных к следствию аналитиков. Сомневался, что убийца вообще может оказаться среди абонентов. Первое, чем он поинтересовался у Никона, было скорее вопросом общим научно-техническим, чем частным. Он спросил, знаком ли оператор с содержанием скрипта психозондирования?

Никон еще больше почувствовал себя студентом, но уже твердо владеющим материалом. Вопрос этот ему был нужен. Размышления о том, можно ли раскрывать сырые данные психозондирования входил в цикл общих размышлений о конфиденциальности и морально-этических нормах.

Вообще вся диагностика в Мнемонете по сути представляла из себя психозондирование. Метод древний. Около ста лет назад разработанный советским ученым. Заключается в регистрации и последующем анализе реакций на набор стимулов. Если стимул значим для респондента, последний реагирует на него отлично от реакций на другие, нейтральные стимулы. Так когда-то работал полиграф.

Специально созданные нейронные сети позволили делать подробные снимки когнитивной схемы испытуемого в нужных областях. Технология регистрации возбуждений нейронов с большим разрешением, в сумме с анализом других физиологических реакций, превратили древний полиграф в инструмент для чтения мыслей.

Вот к такому-то чтению мыслей Никон и относился очень настороженно. Одно дело – результаты обычных опросников или проективных методик. Они хоть и содержат секреты, но в таком виде, как их раскрыл испытуемый. Другое дело – чрезмерно подробная модель, которая содержит в себе тайны из самых глубоких уровней бессознательного. Рентген души.

Конечно, сотрудники Мнемонета не имели доступа ко всем этим подробностям. Данные в зашифрованном виде надежно хранились на сервере. Диагнозы ставила экспертная система, за считанные секунды делающая многоуровневый анализ модели психики и выносившая вердикт. Сотрудники работали с общими результатами. Но ведь, кроме рядовых специалистов полевого уровня, были еще администраторы серверов, программисты, менеджеры. Все интересующиеся. Кто знает, сколько исследований провели на собранной за несколько лет величайшей в мире базе психологических данных?

По сути, применение психозондирования в следственных мероприятиях – тоже исследование, с полагающимся в таких случаях статистическим анализом и подбором критериев оценки. С содержанием скрипта Никон знаком. Скрипт ему не понравился – перевод англоязычной версии, изредка применяемой на западе в подобных случаях. Адаптацией никто не заморачивался. Спешили. То, что каждый из испытуемых потратит полчаса времени на неоптимальный скрипт, никого, похоже, не волновало. Результат получился соответствующим. Согласно выведенным критериям, в список потенциальных похитителей и убийц попали в основном женщины и подростки. Все это уже целую неделю и расстраивало следователя.

– Составители скрипта промазали, – заявил следователю Никон. – Топорная работа. Не учли местные особенности. Не учли возможные отношения убийцы с Мартином. Не учли особенности личности Мартина, в конце концов.

– Так что, думаете, нет смысла использовать эти результаты в работе?

– Такие результаты лучше, чем ничего, – практично заметил Никон. – При необходимости Вы можете с их помощью если не искать, то хотя бы проверять или подтверждать.

– Да, действительно. Вот об этом я и хотел вас попросить. Вы могли бы откорректировать систему критериев для уже имеющихся данных?

– Почему Вы решили, что я могу это сделать? – насторожился Никон.

– Ваш эээ... супервайзер, рекомендовал вас как человека, разбирающегося в психодиагностике, статистическом анализе и математическом моделировании.

«Ну, спасибо за дополнительный головняк», – подумал про себя Никон, проклиная лукавую женщину.

Вслух, на всякий случай, задачу усложнил:

– Вы понимаете, что из таких данных сложно вытянуть полезную Вам информацию?

– Вот, Вы мне объясните! – воскликнул следователь. – За что наши налогоплательщики отдают проценты со своих нищенских зарплат? Почему как и раньше происходят убийства? Да

еще и в вашей конторе? А вы мне говорите, что не в состоянии использовать даже те средства, которые имеете.

– Да откуда я знаю!? – воскликнул Никон в сердцах. – Вы с этими вопросами обратитесь к руководству.

– Ха-ха-ха, – рассмеялся Сергей Петрович. – Вы, молодой человек, подталкиваете меня на опасный шаг.

– А вы задаете опасные вопросы.

– Ладно, – смягчился следователь. – Буду благодарен Вам за любой результат.

Вручив ключи доступа к необходимым базам данных, отпустил размышлять о загадочном многоличии людей, которое делает их совершенно непредсказуемыми и оттого опасными.

Глава 8.

Никон посчитал опасным и унижительным просить Катрин корректировать его баланс для отдыха. Вообще не хотел ее ни о чем просить. Для человека, который правила возносит выше человечности, такая просьба прозвучит как оскорбление. Устав категорически запрещает положительную обратную связь. Абонент не может просить своего аналитика корректировать свой или чужой баланс. Также и полевой специалист не имеет право просить об этом супервайзера.

Обратная отрицательная связь – пожалуйста. Если ты в здравом уме и доброй памяти, можешь ограничить степень коррекции. Снизить допустимый предел изменения параметров до минимальных двух процентов. Имеешь право. Это право может быть оспорено в некоторых случаях. Необходимо постановление местного суда. Но таких случаев бывает мало.

Запреты введены для того, чтобы блокировать незаконное вмешательство в баланс и взяточничество. Очень соблазнительно заплатить за постоянно хорошее настроение, свое или сварливой жены. Или можно попросить сделать девушку в нужное время более доверчивой, податливой или даже озабоченной. Или мужчину. Или сделать так, что кто-то будет не в силах бороться со сном в полдень. Или не будет спать трое суток. Или простит даже самые страшные грехи. Возможностей для того, чтобы получить деньги за незаконную коррекцию сотни.

Контроль действий операторов является одной из функций супервайзеров. Все ручные коррекции заносятся в отдельный журнал. Сортируются по степени влияния. Сначала анализ делает экспертная система Мнемонета. Наиболее интересные или необычные, непонятные машине случаи, просматривает супервайзер.

Инструкции и контроль существуют для того, чтобы начальство не ведало о действиях подчиненных. Если у тебя хватает ума, чтобы обосновать свои решения, ты можешь смело брать деньги за коррекцию баланса. Главное, чтобы заказчик не подвел. Не настучал. Не подсунул меченые деньги, полученные у супервайзера. Бывало и такое.

Катрин вызвала Никона как раз для того, чтобы он обосновал некоторые коррекции. Первые слова подтвердили его опасения. Она так и сказала, вместо приветствия, мило улыбаясь:

– В журнале ваших действий я обнаружила сомнительные пункты. Отправляю вам список. Объясните их, пожалуйста!

Завозилась с планшетом. У Никона в сумке пикинуло о новом письме. Сделав внимательный серьезный вид начал читать. Список оказался внушительным. Мадам постаралась.

– Здесь большой список ординарных операций. Что именно Вас интересует?

– Вот, хотя бы кратковременное смещение уровня серотонина школьнику из восьмого класса. Для терапевтического воздействия мало. Что это было, Никон?

Никон мысленно дал Кириллу легкую оплеуху. Именно так он поступил бы, будь виновник в пределах досягаемости. Даже, если потом пришлось бы объяснять Катрин, зачем он это сделал. Ну да, негативное подкрепление. Вслух произнес:

– Серотонин на два часа был позитивным подкреплением.

– Что вы имеете в виду?

Мадам, которая умеет хорошо улыбаться и часами внушать простые мысли, не обязана хорошо разбираться в теории. Даже в той, методами которой она обычно пользуется. В этом-то и заключалась одна из самых больших проблем.

– Бихевиоризм. Со слов Кирилла, я понял, что ему не интересно в школе, не интересно ходить на консультации. Я использовал положительное подкрепление, чтобы сформировать интерес к нашим занятиям.

– Каким занятиям?

– К консультациям, – поправился Никон.

– Вы хотите сказать, что этот ребенок не хочет ходить к вам?

– Я хочу сказать, что ему сейчас вообще не интересно учиться. Он прогуливает школу. Если бы не контроль, он прогуливал бы и меня.

– Может быть дело в Вас?

Вот он ключевой вопрос. Так, на пустом месте, как и тогда на войне, обвинила в некомпетентности. Никону захотелось связать. Спросить, к примеру – что такое оперантное научение? Или, какова ведущая деятельность восьмиклассника. Выяснить – кто здесь шарит. Не поймет. Тон поймет, а смысл – нет. Интерпретирует как агрессию. Как посягательство на свой статус. И так уже начала копать, капуста брюссельская. Никон подумал о неизбежности. Откуда берутся такие ограниченные мелочные люди? Почему мешают работать тем, кто может это делать? Ненависть к лжеметодистам, подменяющим здравый смысл непонятыми инструкциями, начинала кипятить кровь. Если человек методист на работе, то он и в жизни методист. Все знает и ничего не умеет. Сапожник без сапожной иглы. Никон сделал вдох, чтобы сдержаться. Выдохнул. Еще вдох. Сердце колотится.

Взгляд случайно упал на глянec планшета на столе. Красный график пополз вверх. Адреналин? Чей? Неужели? Если да, то он был превышен еще полчаса назад. А повода тогда не еще не возникло. Никон отложил вопрос о коррекции и ее смысле. Не время. Мысленно, усилием воли заставил график поползти вниз. Если это его кривая, должно сработать.

– Почему вы молчите? Вам есть что сказать?

Никон старался не пялиться на планшет. Смотрел то на карие, скрывающие усталость глаза пожилой девочки, то на прохожих за окном. Пожал плечами. Слова сейчас не только бесполезны, но могут быть и вредны.

– Тогда я скажу, – не дождавшись ответа, выдохнула мадам. – Вы не можете объяснить некоторые свои действия. Вы допускаете ошибки. Вы недостаточно точно придерживаетесь инструкций. Я, как супервайзер, должна помочь вам исправиться. Я должна понять причины. Либо это эмоциональное выгорание, либо у Вас есть какие-то личностные проблемы. Вы должны понять, что Мнемонет – это не место для научных экспериментов. Мы помогаем людям справиться с проблемами и жить полноценной жизнью. Мы не имеем права предпринимать шаги, выходящие за рамки дозволенного.

Никон сосредоточился на графике. Вербальное давление могло поломать с таким трудом налаженную положительную обратную связь. Кривая медленно, по пикселям, поползла вниз. Это, всетаки, был его график и он научился им управлять. Думать и дышать стало легче. Катрин в своем рассуждении, как это ни удивительно, сменив тон на более ласковый, перешла от частных к общему:

– Не переживайте Никон, Вы не один такой. Я очень уважительно отношусь к вашему народу. Вы очень хорошие люди. Добрые. Щедрые. Веселые. Теперь конечно у вас большие проблемы. Статистика неумолимо ползет в пропасть. Но я помню, как было раньше. Я заметила, – вы эээ... не умеете следовать инструкциям. Вас сложно приучить к порядку. Вы не цените его. Вы все время его нарушаете, ищете чего-то нового, необычного. Всегда идете на поводу у странных, иррациональных идей. Возможно, эта глупость и привела к трагедии, с которой мы с вами боремся сейчас.

Проследив непроизвольно жадный взгляд порицаемого школьника, Мадам, не прерывая декламации, машинально схватила планшет, покрутила в руках и отложила в дальний угол. Зыбкая, с огромным трудом налаженная связь поломалась. Когда рассуждения о глупости горемычного народа, к которому строптивый Никон имел несчастье принадлежать, иссякли, сдержанно ответил:

– Я Вас понял. Постараюсь согласовывать свои действия с инструкциями. Мне уже пора идти. До свидания!

– Паула отзывалась о вас как о талантливом, компетентном специалисте, – кинула Катрин вслед. – Я верю, что у вас все получится!

Выходя на улицу, Никон выдохнул. После мрачного логова обжитого Мадам, обшарпанная небубранная улица орошаемая мелкими колючими каплями казалась особенно светлой и праздничной. Нахлынули приятная усталость и легкая эйфория. Чувство забавное, плавное и красочное. Цветочное. Мысль о том, что Катрин имеет возможность и власть влезть в баланс и менять его на свое усмотрение, быстро переокрасила настроение в блеклые нуарные тона. Конечно! Такой безумный неуравновешенный народ и такой его безответственный представитель, просто нуждаются в постороннем жестчайшем управлении.

Глава 9.

Наследие Мартина преследовало изо дня в день. Неумолимо догоняло и впивалось в уши и нервы клыками и когтями своих новых, странных и зачастую, неожиданных проблем и несчастий.

Сначала была девушка, которая, не осознавая того, бродит по квартире ночью и делает близким всякие пакости. В очередной раз, в подробностях рассказала, как черная тень крупного мужчины явилась к ней, парализовала волю и насильовала на протяжении нескольких часов. И коин, разумеется, тут никак не помог. Отношение к происходящему так и осталось не ясным. С одной стороны она испытывала страдания, но, с другой стороны, как бы, и переживания противоположные.

Догсан, так представился этот посетитель, был вежлив и сдержан. Даже немного хмур. Высокий и худощавый, с лысым загорелым черепом, он распространял вокруг себя атмосферу стабильного сосредоточения. За внешним миром внимательно наблюдал глубоко спрятанными под высоким лбом глазами, но обстановкой, похоже, сильно не интересовался. Личностью нового оператора тоже.

Никон опять не удосужился ознакомиться с анамнезом. Как начинать разговор с таким специфическим субъектом – сомневался. Тот тоже не давал никаких подсказок. К беседе не расположен. Усевшись в кресле поудобнее, уставился куда-то мимо и замер. Установилось напряженное молчание, которое нарушать Никону не хотелось, но, согласно правилам, пришлось. Его работа заключается в том, чтобы пополнять анамнез новыми данными, которые автоматизированная диагностическая система собрать не способна. После пятиминутной паузы он тихо спросил:

– Что у Вас нового?

Догсан ничего не ответил. Никону показалось – сейчас он не здесь. Погрузился глубоко в ледяные пучины одному ему доступных измерений и не может вынырнуть. Прошла минута. Из глубин донесся ответ:

– Недавно я понял одну вещь.

Дабы не нарушать растянутый ритм, Никон спросил, выждав полминуты:

– Интересно, какую?

Догсан вынырнул. Глаза его хоть и остались малоподвижными, но немного оживились. Зрачки сфокусировались на Никоне.

– Сложно объяснить словами. Это надо пережить в результате длительных медитаций.

– Пытаясь что-то объяснить другому человеку в словах, мы обычно дополняем и свое понимание.

– Как объяснить слепому от рождения, что такое желтый цвет? Это невозможно.

– Ну, почему же? Ведь есть обостренное осязание. Человек знаком со свойствами поверхностей различных предметов. Есть поверхности с разной шероховатостью, теплые и холодные. Можно объяснить, что зрение позволяет получать информацию о поверхности, не ощупывая ее. У каждого цвета есть температура...

Догсан, перебив Никона на полу-фразе, продекламировал поговорку:

– Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

– Согласен. Но если увидеть нельзя, но очень хочется, то можно и сто раз послушать.

Догсан оживился. Беседа коснулась интересной для него темы. Подобравшись, он выдал:

– Образ, который Вы нарисуете себе в таком случае, будет иллюзией.

– Думаю, что лучше такая иллюзия, чем ничего.

– Такие иллюзии мешают познать истину. Ложный образ мира состоит из таких иллюзий. Этот образ формируется нашими привязанностями, нашей субъективностью. Ложное представление о мире называется «майя». Непосредственное созерцание сути вещей помогает научиться различать истинное и ложное.

– Думаю, Вы правы. Но здесь есть один момент: представление о том, что не доступно для ощущений и восприятия, занимает важное место в постижении истины. Именно абстрактное мышление дает нам возможность познавать то, что скрыто за многообразием видимых проявлений, совокупность которых Вы называете «майя».

– Соглашусь. Но здесь есть одно но. Наше мышление работает неправильно. Оно изначально формируется с ошибками. Оно не может во всей полноте охватить истину. Повторюсь, что только созерцание дает такую возможность. Это не совсем восприятие в вашем понимании. Похоже своей параллельностью и непоследовательностью, но нечто большее.

– Возможно, это похоже на инсайт, озарение?

– Уточните.

– Это когда в вашем перцептивном поле находится сложная задача. Вы смотрите – смотрите. Силитесь решить. Не получается. Потом раз. И решение приходит моментально, как озарение.

– Возможно и похоже. Стоит только добавить между Вами и задачей полупрозрачную мутную пелену, сотканную из шума ваших желаний. Вы уже привыкли видеть мир через нее. Она внедрилась, выросла в вас. Через нее Вы смутно различаете предметы. Путаетесь. Пытаетесь понять в чем дело. Силитесь как-то все исправить в лучшую сторону. Стараетесь – стараетесь. И в один прекрасный момент, получив правильную подсказку от тех, кто уже с этим справился, вдруг эту пелену замечаете. Еще больше усилий – и Вы начинаете ее срывать. Задача предстает перед Вами во всей своей четкости. Вы видите все подробно. И вот тут-то и приходит озарение.

– Вы очень живо все это описываете. У вас уже получалось переживать такое?

– Вы знакомы хоть чуть-чуть с компьютерными языками?

На вопрос Догсан ответил вопросом. Никон сразу не смог сообразить, как он включается в контекст беседы. Ответил неуверенно.

– Немного знаком. В школе изучали и друг объяснял.

– Тогда приведу хороший пример. Когда Вы пользуетесь программой или смотрите на веб-страницу, Вы видите результат интерпретации некоторого кода. За видимыми формами стоят сотни или тысячи строк текста. Скрыта определенная логика. Представьте: вы никогда не видели этого кода. Ваше представление об источнике строится на основании размышлений о внутренней структуре программы или страницы. Вы взаимодействуете, изучаете, обобщаете, строите теории. Задача у вас перед глазами. Потратив много усилий, Вы сможете реконструи-

ровать какую-то внутреннюю логику, конструкцию отображения. Все это будут жалкие потуги. Если же Вам показать исходный код, тогда вы узрите истину во всей ее полноте. Понимаете?

– Я вас понял, – согласился Никон. – Так, конечно, будет проще и полнее. Думаю – в качестве подобного примера можно вспомнить про генотип и фенотип. Генетический код определяет общий облик, который мы можем наблюдать.

– Важно узреть исходный или, как Вы сказали, генетический код бытия, – резюмировал Догсан. – Чего Вам и желаю.

Да уж. Если хочешь узнать правду – перестань обманывать себя. Обманывает ли себя Догсан? Гость, скупко попрощавшись, ушел. Никон с интересом полез в анамнез. Стабильность показателей удивила. Графики человека в коже. Никаких эмоций. Никаких колебаний. Пульс стабильный. Дыхание ровное. Прямые линии.

Описание, данное Мартином, оказалось внимательным и подробным. Никон прочитал, что Александр Киселев, он же -Догсан, разговаривать на отвлеченные темы, как сам называет это – «флудить», не любит. В прошлом – талантливый программист, работавший в известной организации. В результате серьезного личностного кризиса, программирование бросил. Увлёкся буддизмом. После беседы и такого описания, диагноз – шизоидное расстройство личности Никона хоть и не удивил, но все же, показался чрезмерно усугубленным.

Глава 10.

Сегодня редкое солнце пригревало ощутимо нежно, и Паулу это радовало. Удивительно, как на человека может повлиять один только луч. Испанка любила солнце. Солнце и апельсины. Здесь, на северо-востоке, этого было очень мало. Мало солнца – фрукты, как ненастоящие. Люди серьезные. Про себя так и называла местных – холодные северяне. Чтобы отдохнуть от холода и суровой атмосферы, часто мечтала о далеких родных краях, море, солнце, ароматных фруктовых деревьях и шаловливых внуках, шумно возящихся в их сени.

Даже попытка понять чего хочет Догсан, вероятно, доставила бы ей невероятные страдания. Как можно самовольно отречься от всего этого теплого и красочного? Какой дурак захочет променять солнце и людей вокруг на некий странный призрачный код бытия?

Сейчас эти радужные мечты нагло и бесцеремонно прервал, нагруженный идеями Догсана, Никон Тенко. Ввалился в кабинет без стука. Протопал к огромному серому креслу и тяжело рухнул в него, словно большой прохудившийся мешок. Нет, не с апельсинами, к великому сожалению, с проросшей и подгнившей в сыром климате картошкой. Паула подождав, пока последние краски и детский смех будут вытеснены из ее воображения неблагоприятной и мрачной реальностью, спросила:

– Что случилось? Ты на себя не похож.

– Новая начальница достала.

Никон сразу завел разговор о том, ради чего пришел.

– Так быстро? – удивилась Паула. – Мы с ней общались. Мне она показалась очень приятной и галантной особой.

– Так оно и есть, пока дело не касается ее страсти к порядку и страхом перед тем, чего она не понимает и не может контролировать.

– Ого. Вот это да. Секундочку. Попробую понять, что ты имел в виду.

Никон, открыл было рот ради объяснений, но Паула остановила его жестом. Скорчила гримасу задумчивости. Хитро улыбнулась. Резюмировала:

– Ты хочешь сказать, что у вас вышел конфликт? Ей не нравится, как ты работаешь?

– Верно. Поняла! – сделал Никон жест восхищения. – Идеальный сотрудник для нее – автомат, работающий по инструкциям. Сама она таковым и является.

– Кто бы мог подумать, что так получится, – задумчиво покачала головой Паула. – Мне даже показалось, что в вас есть что-то общее. Я думала, вы подружитесь.

– Уж это вряд ли.

- Удивительно! Как быстро!
- Да не так уж и быстро. Этот конфликт начался довольно давно.
- Интересно! Продолжай.

Паула повернулась в кресле на другой бок и приготовилась внимательно слушать. Хоть солнечные образы и вынесло сквозняком, когда открылась дверь, она обрадовалась приходу Никона. Живые люди всегда привлекали ее больше, чем образы из памяти.

– Мы работали с ней некоторое время в начале войны. В организации, помогавшей переселенцам. Она тоже была супервайзером. И еще тогда вынесла мне мозг. Таких людей нельзя делать начальниками.

– Как это произошло?

– Она думает, что работа психолога заключается в улыбках, держании за ручку и внушении, что все можно пережить.

– А разве не так? – иронично удивилась Паула.

– После создания Мнемонета это, может быть, и так. Всю аналитическую работу выполняет машина, – согласился Никон.

– И что случилось тогда?

– Она решила, что я очень много внимания уделяю анализу. Лезу в подробности. Ставлю диагнозы. Обвинила меня в психоанализе и психодиагностике.

– Какой ужас. Но теперь-то ты в безопасности, – постаралась успокоить Паула. – Мнемонет же стоит на психодиагностике и психоанализе.

– Теперь я злоупотребляю коррекцией баланса.

– Это серьезно, – задумалась Паула. – Можно и работу потерять и в тюрьму сесть.

– О чем вы с ней говорили?

– Она попросила кратко рассказать о тебе. Поверь, я дала самые лучшие рекомендации, – рассмеялась. – С моих слов – ты, просто, идеальный оператор. Золотая голова. Пробы негде ставить.

– Верю. Спасибо. Может быть, благодаря тебе она еще меня не уволила или не отправила на подтверждение квалификации.

– Даже так. Что ты намерен делать?

– А что я могу сделать? Буду плыть по течению как...

Никон хотел было сравнить себя с тем, что обычно плавает по течению в таких случаях, но осекся. Паула великодушно дала ему возможность не завершать фразу:

– Хочешь, я поговорю с региональным координатором? Это подготовит его к неожиданным решениям Катрин. Когда она придет к нему требовать твоей головы, у него уже будет альтернативная версия в твоё оправдание.

Запутать все так, чтобы выглядело в выгодном свете, Паула мастер. У этой заботливой бабушки, привыкшей выгораживать озорных внуков перед родителями, все просто. Как специалист в области посттравматического стрессового расстройства или вьетнамского-афганского синдрома, она справедливо считала все проблемы результатом травмы. То, что ты ревнивец-параноик или шизик-фантазер, мало зависит от твоих врожденных особенностей, которые каждый в благоприятных условиях может скорректировать. Во всем виноваты обстоятельства. Виноваты люди, которые по неосторожности нанесли страждущей душе увечья. Виноваты события, выбившие из колеи. И, если уж сотрудник зашатался и начал делать что-то не так, то виновато в этом, разумеется, неосторожное начальство, заполучившее в свои грубые руки тонкие рычаги и верньеры нервной системы. Она даже психическую пандемию и волны считала чем-то похожим на ПТСР. Возможно, отчасти, была и права.

– Вот и не печалься. Ступай с миром и не мешай бабушке думать о внуках на солнечной поляне у ручья под сенью апельсинов. Иди – иди.

Потеряв интерес к происходящему, Паула замахала длинными кистями в сторону двери. Так бы всегда в отношениях с начальством! Никто никому не мешает работать. Все довольны и занимаются своими делами. Никон, улыбнувшись, тоже махнул рукой и пошел прочь. Ему показалось – он невольно одолжил у Паулы ее ярких красок. Пространство вокруг стало теплее и светлее. Уютнее без всякой коррекции баланса.

Глава 11.

Лица некоторых собравшихся отдавали пепельным или наоборот – кирпичным, как стены и крыши домов, простирающихся на мили за окном. И все, такими же, одинаково уставшими. Волна началась вчера и сейчас, похоже, развился пик. Иногда, без какой либо периодичности, совершенно неожиданно, психическое состояние жителей города изменялось синхронно. Обострялось у всех одновременно и по-разному. Склонные к депрессиям, непроизвольно делали шаг в сторону подавленности и уныния. Склонные к маниям, наоборот, становились суетливыми и рассеянными. У кого-то пропадала критичность. Кто-то бросался реализовывать странные, безумные идеи. Кто-то активнее домогался любимых или прохожих на улице. У кого-то просыпались, замершие в засаде, до поры – до времени, страхи. Темноты, замкнутых или открытых пространств, многолюдных мест. Страсти обострялись. Люди сильно изменялись, иногда до неузнаваемости.

О том, что такие волны существуют на некоторой ограниченной территории, сообщили специалисты, изучавшие данные абонентов. Несколько лет назад. Синхронное изменение показателей коинов стало сенсацией мирового масштаба. Когда связь перепроверили на более общей выборке, и она подтвердилась, приступили к поиску причин. И вот уже несколько лет причины ускользали. Даже нобелевская премия по физиологии, негласно обещанная за нахождение загадочного фактора и раскрытие механизмов страшных волн, никак не способствовала росту продуктивности поиска.

Попытки объяснить волны магнитными бурями, солнечным и лунным циклом, движением планет, процессами, происходящими в земной коре и мантии, колебаниями погоды, химическим заражением, действием бактерий или вирусов, биологических, социальных и психологических механизмов, работой средств массовой информации потерпели неудачу. Знаменитое тризовское волшебное слово МАТХЭМ, являющееся акронимом списка полей, участвующих во взаимодействии двух материальных объектов, оказалось бессильным.

Связи, конечно же, обнаруживались и с магнитными бурями и с лунным циклом. Очевидное, не очень сильное влияние, не совпадающее по времени с волнами. Идея о том, что волна – результат действия некоторой суммы факторов – аккорд, звучащий по-новому и заставляющий дрожать умы и сердца, проверялась несколькими коллективами из физиков, биологов, математиков, программистов и самых разнообразных смежников. Для проверки результатов такой работы нужны другие коллективы. Процесс затянулся.

Чем глубже проникает человек в загадки мироздания, чем сложнее процессы учится контролировать, тем сложнее задачи возникают перед ним. Пессимистам кажется – это путь к задачам неразрешимым. По крайней мере, в ближайшей суровой перспективе. Оптимистам – просто интересно. Так случилось и теперь. Задачу предсказания волн так и не осилили, зато многим бездельникам нашлось, чем заняться.

Вслед за учеными, благодатную почву кинулись возделывать люди менее ответственные. Не подкрепляющие свои гипотезы объективными аргументами. Представители многочисленных сект указывали на причины и предлагали соответствующее спасение. Эксперты в области магии и астрологии спасали страждущих согласно собственным, «уникальным» теориям и методикам. У этих все оказалось проще и продуктивнее. Эффект плацебо никто не отменял и, благодаря этому, определенные категории людей оказались весьма довольными таким решением проблемы. Если человек ищет быть обманутым, значит ему так надо.

Волна началась вчера.

Как правило, полевые сотрудники Мнемонета менее чувствительны к действию загадочного фактора – одно из необходимых условий при приеме на работу. Нагрузка, ложившаяся на них во время волн, несоизмеримо больше той, что ощущали на себе рядовые горожане. Поэтому сегодня все видели напротив себя лица серые и уставшие, мрачные.

В поисках места в плотном кругу, пришедший поздно Никон, оказался между обширной дамой, терзавшей вербально следователя на субботнем собрании и живой, странноватой девушкой, виденной в полиции мельком.

Катрин завела уже знакомую, и оттого еще более нудную, песнь об ужасных процессах эмоционального выгорания, происходящих в душах полевых специалистов, каждый день сталкивающихся со страданиями горожан. Все – как на рядовых дебрифингах, проводившихся в последнюю субботу и воскресенье каждого месяца. Заскучавшая от самодостаточной речи мадам девушка поинтересовалась:

– Вы были в ее команде или Вас тоже перевели?

– Тоже перевели.

Никон ответил охотно. Обрадовался возможности поговорить о чем-то более интересном, чем выгорание.

– Как Вам новый супервайзер?

– Я с ней давно знаком, – признался Никон. – Женщина очень ответственная и педантичная. Строго следует правилам.

– Да, заметно, – усмехнулась. – Что вы думаете о... – задумалась, подбирая слово покорректнее, – о событии с Мартином?

– Если честно, не было еще времени хорошо об этом подумать, – признался Никон. – Информации мало. В такой ситуации проще подождать новых фактов.

– Вам не страшно?

Шепот девушки заговорщицки дрогнул.

– Чего мне бояться?

– Абонентов Мартина. Ведь среди них может оказаться человек, причастный к убийству.

– Пока нет. Может быть, я об этом не задумывался. А вам?

– А мне страшно. Они мне все теперь кажутся необычными, странными, опасными. Мне, даже, иногда представляется, как они планируют отправить меня вслед за Мартином!

– О чем вы там болтаете!?

Мадам спросила натянуто и раздраженно. Громко постучав маркером по столу. Сегодня она явилась особенно напряженной. Мысль ее, развивавшаяся с большим трудом, казалась более подходящей на длинную монотонную мантру, нежели на конструктивное сообщение.

– Я не уловила смысл и молодой человек мне объяснил! – поспешила сообщить девушка.

– Что вам не понятно?

– Уже все понятно. Он очень хорошо владеет материалом. Спасибо.

Катрин снова обратилась к доске, на которой идеальным почерком, с наклоном влево, по пунктам, выведены ровнейшие строки текста.

– Вы имеете право отказаться от участия в этом, – поспешил напомнить Никон.

– Как-то неудобно. Да я уже с половиной и перезнакомилась.

– Тогда нужно изменить отношение. Думаю, если бы мы обсудили ваши подозрения и страхи, все могло бы проясниться и Вам стало бы спокойнее.

Девушка, поддержкой и новым знакомством, похоже, заинтересовалась.

– Вам опять что-то не понятно!? – возмутилась Мадам снова. – Никон, думаю, что Вам лучше явиться на дебрифинг с другой группой завтра. Сегодня Вы отвлекаете Элеонору.

– Мы, наоборот, активно участвуем в дебрифинге! – опять влезла девушка.

Никон спешно черкнул свои реквизиты в уголке, изукрашенной оригинальными зарисовками и граффити, тетрадки. Снова чувствуя себя нерадивым студентом-хулиганом, поспешил

к выходу. Не хотел ничего комментировать. Просто самоустранился, как возможный повод для конфликта. Этого оказалось мало. Элеонора, пытаясь оправдать подставившегося под удар козла отпущения, нарушила идеальные планы мадам окончательно. Семинар перенесли назавтра.

Глава 12.

Слушать повествование интересно. Живые, подвижные, как закрученная золотая монетка, глаза рассказчика выразительно блестят, дополняя картинку новыми деталями. Аккуратный длинный нос шевелится, то ли следуя за глазами, то ли принохаясь к тонким воображаемым запахам. Заостренные уши тоже подрагивают, ловя отчетливо представляемые опасные шорохи. Рассказчик заново переживает напряженные минуты. Речь немного необычна. С плавающим, словно неустойчивая волна на древнем длинноволновом приемнике акцентом. Неуловимо плывет тембр. Плывет тон. Плывет громкость. Глаза тоже все время плавают по перспективе. Все в этом человеке как то зыбко и нестабильно плывет, словно тонко подстраиваясь под изменчивую действительность.

– Вы слышите, как бьется ваше сердечко. Чувствуете стук пульса в шейке и ручках. Вы растворяетесь в пространстве. Улавливаете потоки воздуха и дыхание людей на расстоянии в десятки метров. Глазки видят в еле заметном свете. Ножки плывут по земле бесшумно. Ручки чувствуют поверхность замочка. Вы говорите с ним. Он отвечает на ваши движения. Открывается. Что бы там не говорили о шестом чувстве, оно есть. Вы знаете, когда и куда надо идти. Знаете, где пройти, чтобы не сработала сигнализация. Как ее отключить. Знаете, как двигаться, чтобы никого не разбудить. Чувствуете, где искать необходимое вам. Вы это берете, не оставив никаких следов, и незаметно удаляетесь.

– Целое искусство, – заметил Никон, дабы поддержать разговор. – Наверняка, очень сложно научиться.

Сразу почувствовал, что структура мотивов этого человека имеет двойное дно.

– Для этого нужен талант. Нужно развивать его с детства. Вот Вы, к примеру, при всем желании не сможете. Хоть годами тренируйтесь, все равно ничего не получится. С этим рождаются. Ради этого живут. Это дарит самые яркие моменты в жизни. Это очень дорогой и сладкий наркотик.

– А моральная сторона вопроса?

– С моральной стороной все в порядке, – помахал пальцем Эдуард. – Если это произошло, значит, человек заслужил. Если этого не должно произойти, я почувствую еще при планировании дела. Знаете, я много размышлял о научно-философской стороне вопроса. Как вы относитесь к теории эволюции?

– Считаю теорию близкой к истине, – усмехнулся Никон.

– Хорошо, – приободрился Эдуард. – Тогда вы согласитесь с тем, что в природе пищевые цепочки формируются в процессе эволюции. Каждое звено пищевой цепи важненько. Устранение или добавление новых звеньешек может сильно повлиять на экосистемку в целом. Вот, к примеру, проблемка кроликов в Австралии и Новой Зеландии.

В человеческом обществе тоже сформировались пищевые цепочки. Работяжки, трудясь с утра до вечера, преобразуют дикую природу в материальные блага. Добывают энергоносители, строят машины, преобразующие энергию. Инженерчики тоже участвуют в этом процессе. На этом производство заканчивается. Есть, конечно, еще врачи, учителя и другие полезные люди, без которых общество не может существовать. Но при распределении материальных благ им достается мало. Зато есть граждане, которые вообще ничего не производят, но потребляют много. Банкиры, чиновнички, офисный планктончик. Дорогие бляди и иже с ними.

Эдуард начал заводиться. Голос стал жестче, а уменьшительно-ласкательных больше. Глаза холоднее. Лицо немного побледнело. Проступили морщины. Упомянув дорогих женщин легкого поведения, он осекся. Уставился в пустоту. Никону показалось – его монолог не пре-

кратился. Продолжился во внутренней речи. Выдержав, как ему показалось, должную в этой ситуации паузу, спросил:

– А какая ваша роль в этой пищевой цепи?

Эдуард ответил не сразу, отрывисто, как бы выдавливая слова из себя, попутно вдумываясь в них.

– Я регулировал некоторые сегментики цепи. Там, где закончик был бессилен, включался я.

– А вы не думали, что наше общество – не экосистема, а некий сложный организм, существующий в экосистеме?

Глаза Эдуарда опять замерли на некоторое время.

– Было бы очень хорошо, если так. Может быть, так и надо. В организме все по-другому. Нет конкуренции. Но, к сожалению, многие людишки ведут себя именно как участники экосистемы. Возможно, и я себя так вел. Такова моя миссия. Я для этого родился. И ради этого я умру.

– Вы откровенны, – заметил Никон, действительно удивленный открытостью вора.

– Мне уже нечего скрывать. Все это есть в моем анамнезе. Видите – и я оказался несовершеннолетним. Не почувствовал, не предусмотрел. Произошла случайность, меня поймали. Подключили к сектору тяжких преступлений. Установили два дополнительных коина. Теперь, если я попытаюсь что-то украсть, то потеряю сознание. Сигнал об этом разбудит Вас ночью. Вы должны будете сообщить в полицию мои реквизиты.

В голосе Эдуарда появился скрежет грустных ноток. Санитар города показался Никону санитаром леса, загнанным в клетку.

Мадам пришла без предупреждения, но нехорошее чувство появилось у Никона с самого утра. Навязчивая мысль о том, что она влезла в его баланс и крутит своими маленькими цепкими пальчиками чувствительные верньеры гомеостаза по своему усмотрению, раздражала и угнетала одновременно. Не настолько сильно, чтобы решиться на открытый конфликт, но и не так незначительно, чтобы оставаться спокойным. Эта пограничная неопределенность и выматывала.

Чинно ступив на порог, мадам вежливо, с милой улыбкой поздоровалась с присутствующими. Заявила – желает некоторое время присутствовать. Попросила не обращать на нее внимания. Не вышло. Эдуард отреагировал мгновенно. Выскочив из кресла, он кинулся к Катрин, нежно схватил ее за руку и, сдобрив свою неожиданную бурную активность парой комплиментов, усадил на свое место. Мадам, не ожидавшая такого нападения, подчинилась, бормоча благодарности.

Эдуард, расположившийся на стульчике у окна напротив госты, принялся на довольно хорошем английском вводить ее в курс дела. Уменьшительно – ласкательные исчезли.

– Мы говорили об устройстве нашего общества. О том, что схема распределения материальных благ чем-то похожа на пищевые цепи в природе. Вы имеете представление о пищевых цепях?

Катрин состроила недоумевающую гримасу. Разглагольствовать на заданную тему у нее получается только после длительной предварительной подготовки. Никон не без злорадства отметил ее неспособность сходу въехать в курс дела. Не дав Никону порадоваться затянувшейся паузе, Эдуард принялся объяснять.

– Жучки едят в поле травку. Мышки едят жучков. Кошки, совы или ястребы ловят мышек. Когда эти хищники умирают, их едят бактерии и насекомые. Потом на этом всем растет трава и так – по кругу. Понимаете?

Катрин кивнула.

– Вот и в обществе нашем происходит что-то похожее. Одни добывают и выращивают. Другие лечат и воспитывают. А есть те, которые бессовестно пожирают. Вот товарищ Никон

утверждает – наше общество должно быть больше похоже на единый организм, чем на экосистему. И я с ним соглашаюсь, но все же утверждаю – есть слишком много людей, которые ведут себя как отдельные организмы в экосистеме. Вы понимаете?

Катрин кивнула снова.

– Теперь мне интересна ваша точка зрения, мадам. Должны ли в обществе быть люди, способные повлиять на неправильных его членов? Возможно, забрать у них то, чем они владеют не по праву?

Катрин сделала дежурный кивок. Потом, сообразив нечто, замотала головой. Пожала плечами. Выдавила улыбку, а за ней и встревоженные слова:

– Я...я... точно не уверена. О каких людях вы говорите? О полиции и судьях?

– О, есть граждане, на которых не могут повлиять даже полиция и судьи. С последними у них отношения как в целостном организме. Они им очень хорошо платят. Я уточню вопрос. Должны ли в обществе существовать хищники, способные забрать у зажавшихся свиней их жирный кусок? По законам эволюции и построения пищевых цепочек в экосистемах?

Гробовой тон фразы испугал Катрин. Она поежилась, опять замотала головой. Глянула на Никона, безучастно наблюдающего за веселой для него сценой. Собралась с духом и пошла в наступление.

– Я не понимаю, что здесь происходит. Объясните мне, в конце концов, Никон. Почему, когда я прихожу посмотреть на вашу работу, этот мистер усаживает меня в клиентское кресло, рассказывает странные вещи и спрашивает: нужны ли в обществе преступники? Что у вас здесь происходит?

– Здесь происходит то, на что Вы пришли посмотреть, – мягко съязвил Никон.

Эдуард не дал Катрин ответить. Вскочив, навис над ней, протягивая руку. Выразительно произнес:

– Мадам, я должен идти. Очень приятно было беседовать с Вами.

Потряса детскую ладошку дольше, чем надо, кивнул Никону и выскочил за дверь. Оставил начальницу и подчиненного – анаконду и кролика, обсуждать происходящее.

Мадам, как и следовало ожидать, повторила внушения о правилах организации и должностных обязанностях. Попытки Никона объяснить, что естественность важнее соблюдения формальных требований, жестко пресекла. Пригрозила подтверждением квалификации. Заметив фиолетовые линии на девственной бежевости стены, возмущенно спросила:

– Что это у вас за рисунки?!

– Ребенок нарисовал.

– Когда?

– На прошлой неделе.

– Вы хотите сказать – уже целую неделю это отвлекает абонентов!? У вас нет бумаги!?

– Этот рисунок важен для автора. Я боюсь его травмировать.

– Бардак! Это переходит все границы, – вскрикнула мадам, вскакивая с кресла. – Я снова буду говорить о вас с Говардом.

Удалилась, не дожидаясь следующего посетителя.

Никон испугался. О готовности Катрин ради своего порядка рубить любую импровизацию на корню, Никон знал давно. Такой острой реакции все же не ожидал. Сегодня бедолага опять остался в тягостных раздумьях о том, является ли причиной тягостных раздумий сложившаяся ситуация или незаконная коррекция баланса, с целью повлиять на устойчивого к тошнотворным внушениям оператора.

Глава 13.

По статистике, пятая часть сотрудников открыто заявляют, что не любят участвовать в корпоративных вечеринках. Тех, кто относится к подобным мероприятиям нейтрально, наверняка еще две пятых. Зато, оставшиеся отрываются на полную катушку. Никон корпоративы

любил. Нет, не за то, что можно послушать сплетни и сомнительные новости. Даже не за то, что можно хорошо выпить и поесть. Ему просто нравилось наблюдать. В атмосфере индуцированной веселости люди вели себя как-то по-иному. Включаясь в масштабное действие, целый ритуал, проявлялись по-новому. Никон просто читал открывшиеся под новым углом сложные многогранники, и это было классно.

Корпоративы Мнемонета всегда отличались пышностью и блеском. Организаторы старались. В стране, где электричество – дефицит, а бензину на среднюю зарплату можно приобрести семьдесят литров, происходили роскошные иллюминированные торжества. В сумме с облегчением, последовавшим за схлынувшей волной, такая обстановка вершила чудо. Гости воодушевлены, жизнерадостны и внимательны к тому, что происходит на фоне герба.

Выступления регионального координатора всегда имеют тот же смысл. Существенно отличался только текст. Разные точки входа в уже выверенное и рафинированное древо размышлений приводили всегда к одному итогу – необходимому умозаключению. Сегодня, как и следовало ожидать, начал с проблем насущных.

– Дорогие коллеги! Полевые работники и супервайзеры. Все мы глубоко переживаем события, происходившие в последнее время. Смерть нашего коллеги Мартина повергла нас всех в шок и недоумение. Я хорошо знал его. Как человек, преданный своему делу, он самоотверженно жертвовал собой ради спасения страждущих! Иногда, он делился со мной о своими глубокими переживаниями в письмах. И сейчас, когда его уже нет с нами, я хотел бы зачитать одно из них.

Оратор поднес к близоруким глазам листок. Задержался, ища нужное место. Микрофон уловил чрезмерно торжественные колебания воздуха, стремительно пробежавшие по проводам и полупроводникам усилителя. Из гулкой бездны черных колонок налетел гром:

– Иногда я чувствую, – пишет Мартин, – что Мнемонет – это огромный, сложный живой организм. А все мы – его клетки. Эта новая сложная жизнь зародилась для того, чтобы решить проблему, возникшую перед человечеством в противоречивой и опасной современности. Сегодня, когда многие люди потеряли возможность самостоятельно противостоять нагрузкам, с которыми сталкиваются в своей повседневности, мы призваны помочь им. Мнемонет может дать человеку то, чего никто и никогда не давал. Некогда утраченное людьми, живущими на этой территории. Это самое ценное, что может быть у человека. Внутренняя стабильность, спокойствие, хороший сон, надежность, здравый смысл, уверенность в себе и своих близких.

Бездна колонок иссякла. Региональный координатор посмотрел куда-то влево и вниз, потер высокий, от света софитов матово-бледный лоб.

– Мне очень тяжело читать эти слова теперь, зная, что Мартина с нами уже нет. Зная – в борьбе за наши светлые идеалы, он отдал максимальную плату. Насколько же глубоко он понимал смысл нашей работы! Я читаю эти строки с огромной благодарностью за то, что Мартин показал нам пример самоотверженного и продуктивного служения идеям Мнемонета. Наш долг помнить это. Почтим же память героя минутой молчания!

Черные слепые провалы колонок затихли опять. Участники торжества, следуя примеру тех, кто знал сценарий, тихо шурша одеждой, начали подниматься со своих мест. Волна шороха, вязким эхом поплескавшись между стен зала, схлынула в широкие проходы. Установилась тяжелая тишь. О чем сейчас думали эти мужчины и женщины из разных стран, собравшиеся здесь ради борьбы с эпидемией неврозов и психозов?

Никон, осторожно косясь по сторонам, отыскал Паулу. Структура ее мотивов была очевидна. Представил – наверняка витает сейчас в горячих, оранжево-розовых мечтах о внуках, играющих в тени роскошного апельсинового дерева. Наверняка, она сейчас больше чувствует себя заслуженной бабушкой, чем клеточкой Мнемонета. На глаза попала обширная дама, терзавшая следователя вопросами на собрании. У этой тоже все просто. Сразу заметно – неподвижное стояние и плавание масляным ленивым взглядом по мраморному полу, весьма тяго-

тят ее. Никон вдруг почувствовал, насколько страстно желает она снова свалиться на стул, отпить из бокала вина и отправить вслед за терпкой жидкостью, приятно охлаждающей внутренности, кусочек с прозрачного овального блюда. О чем размышляла Катрин, мелькавшая правее, Никону тоже представилось ясно и отчетливо. Наверняка, отгоняя тяжелую тень Мартина, витающую над ее идеальной, ювелирной работы прической, эта любительница танцев и внимания к своей персоне предвкушает сейчас бурную неофициальную часть вечеринки. Что помышлял сейчас Говард, положивший взор тяжелых грязно-снежных глаз на стоящих перед ним подчиненных, для Никона оставалось загадкой. Насколько идеально он ведет себя на сцене? Что сказать после затянувшейся тишины? Читает, о чем думают стоящие перед ним люди? Сложный вопрос.

Минута молчания, на самом деле, продлилась ровно сто двадцать секунд. Все согласно протоколу, определяющему даже этот элемент ритуалов Мнемонета.

– Спасибо!

Все с облегчением выдохнули и, опять запустив сыпучую волну шепота и шуршания, расселись по местам.

– Приглашаю к микрофону представителя управления здравоохранения.

На сцену выбрался полный мужчина лет шестидесяти. Долго крутил стойку микрофона, подстраивая под свой рост, пока ему не помог более ловкий Говард. Успокоившись, произнес:

– Товарищи! – кашлянув, поправился: – Дамы и господа! Хочу выразить вам соболезнования в связи с утратой. Наше управление скорбит вместе с вами. Мы очень ценим Мнемонет, как организацию, восстановившую пошатнувшееся психическое здоровье граждан нашей державы и жителей нашего Города. Мнемонет взял на себя все обязанности, которые раньше выполняла наша психиатрическая служба. Сложно даже представить, что случилось бы, коль вы ежедневно не оказывали высококвалифицированную помощь нуждающимся. Именно благодаря вам, многие могут трудиться и поддерживать нашу промышленность в это тяжелое время. Справляться со стрессами и жить полноценной, продуктивной жизнью. Благодаря вам, количество преступлений сократилось многократно и хоть немного приблизилось к среднему уровню давних годов. Именно вы, рискуя жизнью, удерживаете наше общество на краю хаоса и разрухи.

Говард, стоявший рядом, как заметил Никон, кисло поморщился. Вероятно, слова «рискуя жизнью» счел не только лишними, но и весьма вредными. Уж боевой дух в свете происходивших событий, они явно не поднимали.

Представитель здравоохранения еще долго перечислял все чудесные выгоды от существования и присутствия Мнемонета в Городе и державе. Непосредственный анализ крови на наличие антител и антигенов позволил существенно уменьшить заболеваемость. Практически уничтожены некоторые болезни. Контроль уровня гормонов продлил жизнь абонентов на расчетные процентов тридцать. Теперь и в семьдесят можно чувствовать себя как в сорок. Спать хорошо. Предаваться радостям плотской любви. Размножаться. Сохранять память и тонус мышц. А самое главное, усердно выполнять грязную низкооплачиваемую работу. С накопившейся дрожью в голосе, завершил:

– Огромное вам спасибо!

– Вам тоже спасибо за теплые слова, – вернулся к микрофону региональный. Тонем, не предполагающим ответ, поинтересовался: – Кто хотел бы еще сказать?

В зале опять повисла тишина. Желающих не нашлось. Да и что можно было сказать в такой одновременно траурной и торжественной обстановке. Все созвучное атмосфере было уже сказано. Место Говарда на сцене заняла стройная молодая девушка с необычайно длинной и густой рыжей гривой – восходящая звезда эстрады Лина Веполь. Встав в выразительную позу, под мелодичную гитару на фоне мягких ударников, затянула на английском:

«Remember the sound

in the silence of the night ,
that awakened around
wonderful light...»

Приятные звуки расслабили аудиторию и запустили процесс потребления заготовленной на столах богатой снеди.

Как Никон не старался, ему все же не удалось избежать столкновения с Катрин. Мадам выследила и настигла жертву с большим энтузиазмом. Подтащила поближе к тому месту, где Говард о чем-то беседовал с представителем здравоохранения. Слегка пританцовывая, завела старую песню на новый лад:

– Никон, что у Вас нового? Вы работаете над исправлением своих ошибок?

– Работаю самым усердным образом, мадам! – вытянулся по стойке смирно Никон.

Надеясь – Катрин его не раскусит, хотя бы для собственного развлечения, принялся паясничать.

– Что со списком подозрительных моментов?

– Старательно составляю, мадам!

– Учтите, через неделю я составлю промежуточный рейтинг продуктивности помощи следствию. Объем составленных отчетов будет одним из показателей. Те, кто окажутся в нижней четверти списка, будут лишены квартальной премии.

«Да иди ты на хрен со своей премией!»

Не без удовольствия, громко и выразительно подумал Никон, глядя в грустные карие глаза. Вслух произнес:

– Вы думаете, у всех сотрудников равные условия? По каким критериям происходило распределение абонентов Мартина?

– Это не важно! – замотала головой Катрин, пытаясь обойти западню. – Все зависит от квалификации и старательности персонала.

– Я мог бы доказать, что это важно! – раззадорился Никон. – Кто принимал окончательное решение о таких условиях работы?

Катрин затихла на пару вдохов, всверливаясь коричневыми буравчиками в глазницы Никона снизу.

– Региональный координатор уже все подписал.

Оглянулась в сторону Говарда, как бы ища подтверждения своим словам.

– Тогда придется постараться, – напрягши губы, покивал Никон.

– Старайтесь, Никон. Я создала для этого все условия. Сообщу Вам по секрету, что четверть, попавшая в начало рейтинга получит премию последней.

– Заманчиво...

Протянув слово, Никон затих и улыбнулся. Сделал пару ритмичных па, надеясь переключить внимание мадам на более приятное занятие. Утонченную Лину Веполь сменили на сцене какие-то веселые шустрые ребята. Движение на танцполе оживилось. Зал утонул в мелодичных громоуханиях.

Громоухания слышались круглосуточно. Где-то вдалеке, в стороне Лабеда и Волрога. Все уже почти привыкли. Лишь мамы успокаивали на улице детей в ответ на вопрос, где это взорвалось. Таких, что беспокоили слух горожан сегодня, еще не бывало. Сначала в городе очень громко шипели и шуршали грады. С верхних этажей казалось, что оставляя дымные следы, на восток улетают большие стрелы. Вечером вестники смерти принесли ответ в Метравск.

Вечеринку планировали давно и потому тщательно к ней готовились. Оригинальные дизайнерские решения сервировки стола таили в себе много двусмысленных загадок.

Чего только стоили большие чищенные морковки, залегшие между тарелками. Настя сразу же предположила – это загадка для психологов, особенно для тех, кто увлекается психоанализом.

Катрин пребывала навеселе. То ли из-за близкого обстрела выпила лишнего. Толи общая атмосфера возбужденности и взбудораженности действовала на нее таким образом.

У Саши повод выпить был серьезный. Он и обычно любил налакаться огненной воды до состояния «зомби». Но после того, как одна из сегодняшних ракет прилетела в дом бабушки, пил вдохновенно и много. Уже курсируя на автопилоте, аккуратными, выверяемыми движениями, он подобрался к Никону и, глядя застекленевшими глазами куда-то в одному ему видимую даль, выпалил:

– Никон, переведи Катюхе, что я хочу поговорить с ней наедине.

– Нафига?

– Ну, скажи! Мне надо!

Прозвище «сладенький» Саше дал Андрей, который умеет кратко выразить суть, да так, что все вокруг угорают, держась за животы. Приторные ухаживания Саши за взрослыми дамами прикалывали всех. Хоть они и не составляли конкуренции шумной и веселой бравате Андрея, мнящего себя эдаким поручиком Ржевским, но все равно несколько задевали.

Никон махнул рукой. В общей атмосфере возбуждения, пьянства и разврата было сложно сохранять трезвость и рациональность. Подойдя за Сашей, тянущим за рукав, к скромно извивающейся в танце Катрин, сообщил:

– Sasha needs in conversation with you face to face.

Катрин, которая сама думала на французском, и вдобавок еще напевала и танцевала, суть фразы уловила не сразу. Пришлось повторить и объяснить на пальцах.

– Ok. Ok. I will help you!

Катрин закивала, всем существом своим, выражая глубочайшее понимание проблемы и готовность помочь. Вероятно, она подумала, что Саша разглядел в ней психолога, и просит избавления от эмоционального выгорания за рулем. По сути, так оно и было.

– Она говорит, что согласна тебе помочь! – перевел Никон.

– Вот и ладушки, – сладострастно потер ладони Саша. – Идем!

Замахал рукой в сторону выхода. Побрел, пошатываясь.

– Come with us! – пригласил Никон.

Для беседы уединились в небольшой комнатке, служившей спальней. Кроме кровати здесь оказалось негде расположиться, посему в пол оборота расселись на мягком матрасе.

– So, what's the problem?

Мадам, как обычно, попыталась взять инициативу в свои руки.

– В чем твоя проблема? – перевел Никон.

– Скажи ей, что она клеевая телка! – восхищенно выдал Саша, назидательно поводя пальцем перед носом – Нет, не телка. Дама! Женщина.

– Sasha said, that you are a wonderful women.

Катрин мило заулыбалась, энергично закивала хохолком, торчащим из прически. Дружественно погладила Сашу по руке. Поблагодарила:

– O, Sasha! I am very pleased!

– Что она говорит? – заспешил Саша, вдохновенный жестом.

– Говорит, что переводчик вам больше не нужен. Чтобы я оставил вас наедине, – заржал Никон.

За окном в очередной раз сильно бухнуло. Катрин дернулась. Саша воодушевился еще больше.

– Так иди давай! – замахал рукой. – И свет выключи!

– Да пошутил я! Она сказала, что ей очень приятно.

Никон всерьез испугался – Саша, не дожидаясь объяснений, накинется на бедную Катюху с горячими проспиртованными поцелуями и испортит сложную прическу.

– Переведи ей, что мне сложно выразить все чувства, которые я испытываю к ней.

– Чууустваа! – повторила Катрин знакомое слово. – Это sentiments? Feelings!?

– Вот! Да! Она меня понимает!

– Ты уверен?

– Давай уже переводи!

Поколебавшись, Никон выдал:

– Sasha said, that he can not express all the feelings to you.

Катрин, вероятно думая еще – это консультация, поерзав на кровати, активно включилась в процесс:

– Please, tell us about the strongest feelings.

– Чувак, она думает, что здесь консультация. Хочет, чтобы ты рассказал о самых сильных своих переживаниях.

– Ну и ладно! Консультация! Скажи, что последнее время я много думаю о ней. Вот так, еду по дороге, кручу баранку и о ней только и думаю!

– Не гони, – попытался успокоить возбужденного Казанову Никон.

– Давай, переводи!

– Un, deux, trois, quatre, cinq, six, sept, huit, neuf, dix.

Желая сменить тему и разрядить обстановку, Никон продекламировал числительные, которые помнил еще со школы.

– Один, два, три, четыре, пять, – произнесла Катрин, хитро улыбаясь и загибая пальцы.

Остановилась. Придала лицу вопросительное выражение. Помахала шестым пальцем.

– Шесть! – обрадовался прямому общению Саша.

Катрин повторила несколько раз, загнула седьмой.

– Семь! – радовался Саша.

Когда досчитали до десяти, дернул Никона опять.

– Давай переводи – она мечта всей моей жизни.

– Скажи ей: Je m'appelle Sasha!

Надеясь вытянуть диалог с уровня страстей на уровень межкультурного диалога, Никон стал припоминать расхожие фразы на французском. Саша, заплетаясь повторил.

– Tres, bien. Je m'appelle Katherine, – удивленно поведя носом, ответила мадам.

– Je ne mange pas six jours.

Не совсем трезвый Никон выдал почему-то именно это, так хорошо знакомое всем из отечественной классики, предложение.

Саша повторил опять.

– Six jours!?! – вытаращила глаза Катрин, переспрашивая.

По инерции она подумала – это перевод Сашиных слов. Опять погладила по руке.

– Oh, I understand! Shelling, grandmother... I'm so sorry.

Принялась рыться в кошельке. Достала несколько купюр. Протянула.

– Это что?! – возмутился Александр.

– Она хочет помочь тебе и твоей бабушке. Думает, что ты не ел шесть дней.

– Да нахрен мне эти бумажки! Что за бред?!

– Sasha said that your society is for him the best consolation.

Никон поднялся с дивана. Направляясь к выходу, бросил через плечо:

– Саня, она думает, что это консультация. Так что без глупостей и жарких объятий.

Последний взрыв прогремел два часа назад, но город был абсолютно пуст. Ни прохожих, ни машин. Лишь Одинокие серые внедорожники носились по улицам мимо затаившихся в тени

пятиэтажек бронетранспортеров. Пир во время войны закончился. Гости, получившие дозу общей анестезии, развозились по квартирам.

Глава 14.

Юлия Ведерникова или, как сама представилась, Джулия Вейдер, явилась на прием второй раз. Из группы Мартина. Сегодня казалась веселее. Круги под оленьими, тусклыми, словно алюминиевыми глазами были потише. Лицо – хоть и бледное, но все-же порозовее. Полные губки из привычного бантика иногда растягивались в подобие улыбки. Плюхнувшись в кресло, поерзала на пришедшей в движение коже. Демонстративно закинула ногу в черном чулке на другую. Достала из яркой сумочки сигарету.

– Я закурю?!

– Попросил бы Вас воздержаться, – поспешил остановить руку с зажигалкой Никон.

– Мартин мне разрешал, – капризно поджала губки Юля.

– А родители тебе разрешают?

– Они мне не указ!

Нимфетка, покрутив в руке зажигалку, надавила на кнопку. Посмотрела остекленевшим взглядом на синее шипящее пламя. Покосилась на Никона, наблюдая за реакцией. Потушила. Зажгла снова, словно раздумывая. Опять покосилась. Потушила. Зажгла. Быстро поднесла руку к сигарете и, блаженно закрыв глаза, глубоко затянулась. Пустила пряную сизую струйку, формой напоминавшую раскрывшуюся кобру, в сторону оператора. Ответила на сердитый взгляд:

– Имею право!

– Ты выглядишь намного моложе своих лет. Непривычно созерцать школьницу с сигаретой.

– Это комплимент?

Никон собрался было ответить: «Будешь курить – такая мелкая и останешься», но воздержался. Не хотел начинать с конфликта. Дабы завести нейтральную беседу, поинтересовался:

– Что ты чувствуешь, когда тебе говорят комплименты?

– Мне, как и любой женщине, очень приятно.

Ответила игриво, закатив глазки, поправив пушистые дреды и проведя рукой по истонченной шейке. Слово «женщина» произнесла особо вычурно. Никон кивнул и ничего не ответил, в надежде – тишина сама спросит, необходимое. Так и случилось.

– Вообще, – затянулась на полуслове, словно без этого нельзя говорить, закатила глазки, – не так уж и часто делают комплименты. Не те нынче мужики. Измельчали. Редко встретишь нормальную особь. Творческую. Одни маргиналы, алкоголики или голубые. Или педанты. Вот, как Вы, например. Ради своего порядка, готовы пренебречь моим личным пространством. А я, между прочим – Ваш гость. И это Ваша работа – делать так, чтобы я чувствовала себя уютно и комфортно. И кстати, я веду преимущественно ночной образ жизни. Днем мне лучше спится. Так я борюсь с депрессией. Поэтому, я хотела бы перенести наши встречи на вечер. Хотя бы часов на девять-десять. Как Вы на это смотрите?

Никон представил: в то время, когда он должен засыпать, едет через полгорода ради общения с экстравагантной соплей. Усмехнулся. Стал подбирать поводы избежать этой несчастной участи:

– Боюсь, что это невозможно. В кабинет нельзя попасть после девяти. Здание закрывается.

– Вы могли бы приезжать ко мне. Или я к вам. Насколько помню, протокол предусматривает такую возможность.

– А с Мартином вы как поступали?

– Ласково!

– Это хорошо. А график, какой был?

- Он приезжал ко мне в десять часов, – быстро заявила Юля, кивая и хмуря редкие брови.
- Верится с трудом.
- Посмотрите расписание, если не верите.
- И посмотрю.

Никон тут же позвонил Катрин и попросил прислать график Юлии у Мартина. Мадам отвечала с паузами, как бы обдумывая. Тянула время неуместными вопросами и уточнениями. В конце концов заявила: для открытия такой информации должна взять разрешение у регионального координатора. Никон, казалось бы, привыкший к такому педантизму, сейчас почему-то разозлился.

– Ну, что там говорит ваша ужасная француженка?

– Она не француженка, – быстро бросил Никон и спохватился: – Откуда вы узнали, что ее родной язык – французский?

Юлия замаялась.

– По акценту.

– Вы с ней общались?

– Нет, у меня слух хороший, а динамик у Вас громкий.

Скользнул глазом по графикам на планшете. Адреналин и сопутствующие медиаторы поползли немного вверх. Пульс участился.

– Странно. Я сам-то не очень хорошо слышал. Верится с трудом, что ты расслышала акцент.

– А вот и расслышала. Уши надо мыть.

Юля рассмеялась. Тон игривый и не напряженный, но графики колеблются. Позвонила Катрин. Заскрипевшим, недовольным голосом сообщила: Мартин ездил к Юлии к 9 часам вечера по вторникам. Никон, не церемонясь, прокомментировал, что это бардак и бросил трубку. Спросил у Юлии, что она расслышала.

– Ваша начальница сказала, что Мартин приезжал ко мне в десять часов.

– Неверно, в девять. По каким дням?

– По четвергам. Или ой, нет, – Юля напряглась, – по вторникам.

Графики опять дернулись вверх.

– Почти верно, – отметил Никон. – Но от меня ты таких визитов не дождешься.

– Ну и зря, – улыбнулась и закатила глазки. – Девушка я оригинальная и привлекательная, – накрутила пару косичек на указательный палец. – Со мной очень интересно проводить время в домашней обстановке. У меня много картин. Дизайнерский ремонт. Хороший вид из окна. Я могу пригласить очаровательных подружек и веселых друзей. Глупо не воспользоваться рабочим временем для отдыха.

– От такого отдыха потом, наверное, еще больше отдыхать надо, – усомнился Никон.

– А Вы попробуйте разок. Я со своей стороны постараюсь, чтобы Вам понравилось.

– Хорошо. Подумаю над Вашим заманчивым предложением.

Сказал для отмазки. Мысль о ночной поездке к оригинальной и очаровательной почему-то приводила в напряжение.

Глава 15.

Элеонора оказалась девушкой необычной, странной и оттого очень привлекательной. Длинные каштановые кучери, покоренные брошками и заколками в сложную прическу, очень выгодно подчеркивали прямой нос. Большие, широкие, чистые и от того ярко блестящие, лужицы серых глаз, под аккуратно выведенными ветвями черных бровей, казалось, таили в себе не только острый каменистый рельеф, но и сложную, богатую и многообразную внутреннюю жизнь. Жесткая на вид линия губ, над подбородком с ямочкой, почему-то манила и влекла. Никон увлекся.

Отказавшись от скучного, на ее взгляд, предложения поговорить о правде жизни в кафе, Элеонора пригласила на одну интересную постановку. Опера в готическом стиле, гласил флаер, постмодернистская интерпретация отечественной классики. Никон, радуясь возможности получше узнать загадочную девушку плащ, платье, длинные чулки и туфли на широком каблуке которой более напоминали одежды середины девятнадцатого века, нежели середины двадцать первого, быстро согласился.

В просторном, стилизованном под средневековый замок заводском цеху, которому уже никогда не ощутить пряный аромат расплавленной стали, было необычайно тихо. Даже несмотря на обилие гостей, среди оставшегося от времен великих свершений, оборудования, стройных колонн и стрельчатых окон. Люди в одеждах темных тонов из прежних эпох лишь изредка перешептывались и подавали друг другу знаки. Вероятно, сам стиль располагал к мрачному молчанию.

Готическая самодеятельность начиналась мягко и безобидно. Заиграла флейта на фоне тихого и приятного органа. На сцену вышла стройная миловидная девушка с длинной, светлой и прямой, как солома, гривой, в хлорном, пастельно-желто-зеленом шелковом облегающем платье, в венке из нежных голубых цветов. В мрачной и тяжелой атмосфере средневекового замка она выглядела контрастно, словно голубой тюльпан, в настоящем литейном цеху в разгар рабочего дня. Не то фея, не то эльфийка плавно затянула:

К реке я вышла раннею весною
И робко песню тихую запела,
И кто встречался у реки со мною –
Тех песней я приветствовала смело.

Пела красиво. Оба варианта, на русском и на английском, следовавшие друг за другом, звучали великолепно. Чувствовался талант. Сопрано, струящееся из ее груди, конечно же, усиленное электроникой, но все равно живое, протекало почти до самого сердца. Обводя взглядом одной ей видимые просторы, вещала:

С обрыва наслаждаясь видом глади,
В сонаре эха услышала песнь иную,
Сей песни чудной и прекрасной ради,
Пошла искать поэта, лес минуя.

В Эфире действительно появился новый голос. Прислушавшись в направлении источника, не то фея, не то эльфийка, грациозно танцуя, двинулась в нужном направлении. Источником оказался лысый и усатый юноша, одетый в серую вышитую рубаху. Он прятался за элементом декорации, чем-то напоминавшем дерево. Девушка, с трепетом, удивленно и радостно описывала:

Там юношу у берега увидела
Весну, что дивным слогом украшал.
К нему я осторожно вопрошала
Чтоб имя мне своё тотчас сказал.

Органный фон стал насыщенней интенсивнее, флейта почти пропала, уступая место замечательному, приятному тенору юноши:

Сарат мне имя, о прелестна дева Тебя издалека ли я слышал? Прекрасен глас весеннего напева Скажи же и своё, чтоб тоже знал.

Флейта вернулась. Вплетаясь в поток застенчивого и от того еще более привлекательного сопрано, украсила слова тонким серебристым орнаментом.

Ларисою наречена была родными, Я дочь царя речушек и болот, Мой дед еще издревле правил ими, Я дух-хранитель этих тихих вод.

Юноша заинтересовался:
О чем мечтаешь, дивная Лариса,

Когда твой ум крылат в уединеньи?
О счастье, славе, о дханьи бриза?
Поведай другу о своих томленьях.

Лариса, сделав несколько то энергичных, то замирающих па, нагнетающих атмосферу таинственности и сюрпризов, возрев на оригинальный потолок литейного цеха, до которого не дотянулась преобразующая рука дизайнера, мечтательно пропела:

Коль взор я поднимаю к небосводу,
Светил там новых не ищу, тоскуя;
Увидеть братство, равенство, свободу
Сквозь пелену тяжёлых туч хочу я —
Те золотые три звезды, чей свет
Сияет людям много тысяч лет...

Как бы очнувшись от дивных грез, вернувшись к диалогу, спросила:
Поведай же и о своих мечтаньях.

Юноша, уныло отвечал:

Свободой грежу сколько в силах жить
Я пленник, раб, родился я в страданьи
Еще родителей пленил Нилатс Нарит

Наивность и чистота умилили Никона. Только вот обстановка не давала расслабиться. Словно предупреждала – произойдет что-то страшное. Так и случилось. На сцене литейного цеха появился литейщик. Только, вместо длинного ковша, в руке его оказалась тонкая, поблескивающая в лучах софитов, чернота трости. Одевался он тоже у портных девятнадцатого века. В таком тесном камзоле разливать металл было бы даже и неудобно. Походив осторожно вокруг мило откровенничавших Сарата и Ларисы, литейщик, поймав накатившую неожиданно волну, похожего, но другого, более жесткого органного мотива, в который вплелась и электрогитара, настойчиво и отрывисто, по слогам, уже баритоном, похоже, искусственным, машинным, запел:

Ты имя произнёс моё, ком грязи?! С кем говорит мой от рожденья раб? Тебя я дева знаю, дочь ты князя А этот пленник, ибо глуп и слаб!

Парочка в смятении! Они красиво и одновременно трогательно трагично, танцуя держась за руки, пытаются убежать от злого литейщика. Но ничего не получается. Он, обладая какой-то непреодолимой магией, какой-то властью над Саратом, все время возвращает беглецов к себе. Тяжелая музыка подчеркивает, усиливает его резкие и грубые пассы. Никон ловит себя на глупой мысли – этот третий тут как-то лишний.

Убедившись, что скрыться невозможно, упав от бессилия перед литейщиком, но, не разорвав крепких объятий, Лариса с ненавистью и просьбой, мрачно тянет:

Скажи свободы цену, стражник ночи!
Отец богат мой, платит он сполна.

Литейщик отвечает, нервно расхаживая вокруг поверженных:

В твоих отцах не обретется мочи.

И заплатить лишь сможешь ты одна.

Со мной уйдёшь ты, здесь его оставим.

Не навсегда. На долгих трое зим.

Рабыней станешь, будешь время с нами.

Потом же вечность счастлива будь с ним!

Сарат восклицает:

– Не верь лжецу!

Нарит не дает сказать:

– Молчи же раб!

– Очнись от сна!

Лариса колеблется. Необходимость такого выбора заставляет метаться. Она то подбегает к Сарату и страстно целует его. То убегает от всех, показывая, что стремится к отцу. То подходит к Нариту, как бы оценивая, можно ли тому верить. Борьба мотивов подчеркивается и нагнетается беспокойной, сбивчивой флейтой и рваным органом, опускающим сердце в куда-то в живот.

Наконец, обмякнув от бессилия, Лариса становится на колени, возводит очи горе, где в самой выси загорается прожектор, направленный на нее. Отверженно, с великой тоской поет:

И тернии ли встречу я в пути,
Или цветок увижу я душистый,
Удастся ли до цели мне дойти
Иль раньше оборвётся путь тернистый,—
Хочу закончить путь – одно в мечтах,
Как начинала: с песней на устах!

Сарат пытается поддержать подругу. Обнимает. Помогает встать. Девушка медленно, колеблясь, еще не полностью победив свой страх, плетется к литейщику. По дороге все тише и тише протягивает несколько раз:

Нет больше свободы, судьбы лишена,
Лишь только надежда осталась одна

Литейщик несказанно рад. Хватает не то эльфийку не то фею за руку. Магией отталкивает кидаемого на помощь Сарата, под аккомпанемент громящего органа. Сарат уходит изгнан. Нарит, пришагивая вокруг Ларисы, отрывисто, в такт пульсирующей гитаре, страстно и противно напевает:

О прекрасно...е создание, Свет твой так...чарует взор! Мелодично...е дыханье, Чертит в возду...хе узор! Я пленен твоим сияньем. Чистоты...твоей души! Орхидея...мироздания, Ты мне тайну...расскажи! Такой аккуратный, но зловещий подкат, уже намекал – все может закончиться для орхидеи неудачно. Не то фея не то эльфийка, вяло и высоко продолжила петь под тот же дерганный мотив, звучание которого впрочем, смягчилось. Повторяла, запинаясь, фразы несколько раз. Музыка, обогатившаяся, или, возможно, наоборот обедневшая от элементов в стиле техно, помогала ей в этом: Ларисою наречена... была наречена... была родными... Я дочь царя, я дочь царя... речушек и... речушек и... болот... Мой дед еще издревле... дед еще... еще издревле... правил ими... Я дух... Я дух-хранитель... этих... хранитель тихих вод...

Литейщик, тем временем, подкрался сзади и схватил сникающую девушку. Лариса вырвалась. Но в тех местах, где платья касался злодей, оно стало грязно – масляно прозрачным. Прилипло. Под ним ничего не было. Так случилось несколько раз, пока не то эльфийка не то фея не приобрела вид растрепанный и полуобнаженный.

Литейщик, не в силах самостоятельно справиться с жертвой, призвал своей магией помощников. Схватив девушку, те поволокли бедное создание к ремням, к стати свисавшим со стены. Привязали.

– В интересное же место ты меня притащила! – с сарказмом проорал Никон, стараясь перекричать разбушевавшийся орган.

– Я не знала, что здесь такое будет! Действительно бред. – прокричала в ответ Элеонора, – Сама удивляюсь. Хотя, вот, поют очень даже неплохо.

Литейщик тем временем накалял обстановку. Ларису начали переоблачать в черные кожаные, весьма откровенные одежды. Восторженно напевал:

Звери в замке...страстно воют? Ты отसेл...в нашей власти! Ты познаешь...радость боли. Разум твой...вскипит от счастья!

На что Лариса, получив возможность и подходящий аккомпанемент, млеющим голосом давала самоотчет:

Как будто падшая звезда,

Бледнею я от тайной страсти,
Всё вокруг становится тогда
Покорно непонятной власти.

Никону показалось – его баланс поплыл. Нет, конечно, такое представление могло сильно взбудоражить нервную систему. Повлиять на равновесие. Возможно, здесь использовались средства, позволяющие так существенно повлиять на состояние. Какой-нибудь газ, инфразвук из органа. Но Никон очень хорошо различал нюансы, чтобы поверить в это. Баланс действительно поплыл. Возбуждение, смешанное с каким-то иррациональным влечением, заставляло его сопереживать творившемуся на сцене.

И тут он увидел людей, которых совершенно никак не ожидал здесь встретить. Одним из них оказалась нимфетка Джулия Вейдер, вторым – нудная Катрин. Мадам, наряженная и причесанная согласно обстановке, сверлила Никона внимательным цепким взглядом из-за господина в каком то, откровенно, вампирском плаще.

Два факта: скачки баланса и присутствие мадам, на фоне крайнего возбуждения, попав в перцептивное поле – прореагировали как кислород с водородом. С резким увеличением температуры и давления. Проломившись сквозь почтенную публику, Никон, громче, чем даже требовалось, проорал:

– Покажите мне ваш планшет!

От такого требования, Мадам пришла в недоумение даже большее, чем если бы Никон крепко поцеловал ее в тонкие губы.

– Я... я не понимаю! Что вы требуете!?

– Зачем вы влезли в мой баланс?!

– Я ничего не трогала!

– Дайте посмотреть! Я чувствую!

– Я ничего не трогала!

Мадам проорала так же надрывисто и возбужденно. Никон вырвал у нее из рук черную сумочку, отвернулся, отвоевывая пространство для действий. Расстегнул, вытащил злосчастную глянцевую пластину. Мадам, тем временем, оторопев от происходящего, тщила протянуть руку за своим незаконно отобранном имуществом. В нее Никон и вставил планшет.

– Покажите мне... графики и журнал!

– Я этого так не оставлю!

Мадам заплясала дрожащими пальцами по глянцу.

– Вот, смотрите свои графики!

Никон сфокусировал взгляд на плясанине разноцветных линий. Выпалил:

– Это вы сделали?!

Окружающие зрители переключились на сцену более живую и интересную, чем та, что была в программе. Мадам вгляделась. Округлив глаза, протянула на французском:

– Oh mon Dieu!!! Comment est-ce possible!? – на английском зачастила: – This is mistake. It's not me. Now I'm locked.

Планшет выскальзывал из предательски вспотевших рук. Биометрический детектор шалил. Операция, на которую уходит несколько секунд, заняла полминуты. Справившись с собой и управлением, Катрин заявила:

– Теперь нам придется обсуждать это в присутствии регионального координатора! Будьте готовы!

– Всегда готов!

Никон проорал уже менее зло, но вызывающе, прямо в лицо Мадам, подняв руку в пионерском приветствии. Та, разумеется, толстого юмора не поняла.

Вечер закончился событием непредсказуемым даже для посвященных в программу представления. В зал ворвались ребята в черных масках и с автоматами. Выстроили всю почтенную

публику, включая Никона и его знакомых, у холодных кирпичных стен. На сцене появился массивный человек, тоже в маске. Речь начал жестко, словами выпренными и абстрактными:

– Наша страна в ужасном состоянии! Мы с потрохами отданы за долги предыдущими правительствами! Экономика разрушена. Пенсионеров в десять раз больше чем работающих. А те, кто может, не могут... – запнулся, пытаюсь разобраться в путанице, – Предприятия, которые еще сохранились, стоят. Мы движемся к... – опять задумался, к чему же все движется. – Мы на грани голода и ... студеной зимней поры.

Никону почему-то вспомнились строки: «Однажды в студеную зимнюю пору, я из лесу вышел...» Вероятно, в голове оратора тоже глубоко засели строки, выученные в годы, когда мышление еще развивалось. Воображение нарисовало комичную картинку. Рассказав стих, человек на сцене начинает его трактовать, объясняя как в суровую зиму надо добывать в лесу дрова. Это переполнило чашу. Никон хихикнул. Вероятно, блокировка коина еще не выровняла баланс полностью. Элеонора ощутимо толкнула локтем в бок, опасаясь репрессий. Оратор, еще более ужесточив тон, продолжал:

– В это время, Вы, молодежь – цвет нации, устраиваете такое вот безобразие. Вместо того, чтобы думать о том как спасти страну, вы жрете наркоту и участвуете в оргиях. Кто будет рожать детей – новых солдат поднимающих знамя нашего великого народа в будущем? Кто будет восстанавливать разрушенное?

– О мой герой! – не менее выпренно и вычурно воскликнула барышня, игравшая не то фею, не то эльфийку.

Кинулась грациозно к оратору и повисла на его бычьей шее белой тряпкой. Герой, стесняясь активно отрывая от себя полуобнаженную «поклонницу», дабы самому не оказаться участником готической оргии, приказал избавить его от провокаторши своим, задремавшим под аккомпанемент патриотической речи, побратимам. Те, с удовольствием, выполнили требование. Девушку утащили к остальным актерам.

– Весь этот разврат разрушает наше общество, – продолжил назидательно оратор, переводя дух и собравшись с мыслями. – Подумайте о своем будущем! Подумайте о вашем предназначении в этом мире! Вы все погибнете собачьей смертью, если не одумаетесь! С такими жителями наш город обречен.

Никон, сначала с внутренней насмешкой воспринявший патриотические призывы, вдруг зауважал активистов. Любители представлений в стиле готик действительно как бы осунулись, понурились. Мужчины опустили головы. Неужели, совесть проснулась? После ажиотажа и возбуждения, для застуканных на горячем, такая реакция была ожидаема.

Когда источник многозначительных лозунгов иссяк, герой на сцене, покрасневшись и с надрывом, громогласно проорал самый козырный, на его взгляд, лозунг:

– Слава Перуну!!!

После паузы, необходимой для наполнения воздухом просторных легких, в замке разразилось:

– Богам и Пращурам слава!

Так повторилось три раза. Историческая справедливость восторжествовала. Перун поверг злого литейщика. Никону даже показалось: вмешательство язычников было включено в программу ради пущего драматизму и катарсису. Уж очень контрастно и, в то же время, оригинально все вписывалось. Хотя, событие, следовавшее после, сделало такое предположение маловероятным. На прощание, националисты публично и жестоко отлупили ремнями и плетками жалостно вопившего литейщика и его кровожадных коллег. Неразборчивое возмездие настигло даже Сарата, который и так слыл жертвой и менее всего заслуживал гнева древних богов. Лишь не то фея, не то эльфийка осталась целой и невредимой. Жалко висела изможденная страдалница, пристегнутая уже ребятами в балаклавах, на ремнях и то ли плакала, то ли тонко подвывала в такт.

– Здравствуйте! Неожиданная встреча. У вас найдется несколько минут?

Никон бегло и внимательно оглядел вопрошавшего. Черное приталенное длиннополое пальто с широкими лацканами. Серая шляпа, какие нынче в моде, венчает немного вытянутое лицо, на котором внимательные ореховые глаза смотрят поверх прямого носа. Довольно массивный подбородок под тонкими поджатыми губами. Трость в руке, облаченной в черную кожаную перчатку. Поприветствовал в ответ:

– Найдется. Присаживайтесь, пожалуйста.

– Мы имели честь познакомиться вчера на концерте.

– Да, я помню. Вы друг Элеоноры, – оживился Никон. – Кажется, она называла Вас Граф.

– Верно. Очень старый друг.

– Это замечательно.

– Да. Как Вам вчерашнее представление?

– Что тут сказать, – Никон задумался. – Очень необычное. Все очень постмодернично. С иронией. Противоречивое впечатление. Есть о чем подумать. И голоса конечно замечательные.

– Имел честь быть одним из авторов и организаторов, – похвастался Граф.

– Респект! Все получилось замечательно. У Вас талант!

Похвалил больше из вежливости. Хотел поддержать друга девушки.

– Ну, это преимущественно не моя заслуга!

– Позвольте узнать, а сыны Перуна входили в фабулу или посторонний мотив? – улыбнулся Никон.

– Совершенно посторонний. Их уже ищет полиция. Эти варвары испортили вторую часть.

– А мне показалось, что они очень хорошо вписались в сюжет.

– Действительно? Кстати, имел вчера возможность наблюдать еще один мотив, – улыбнулись тонкие губы в ответ. – Вы напали на женщину и отобрали у нее сумочку. Чем все закончилось?

– Долгая история, – насторожился Никон. – Это моя начальница. Хотела подшутить надо мной. Влезла в мой баланс и довела до безумия. Пришлось действовать силой.

– Странные у вас отношения.

– Да уж.

– Граф!?! Да, это старый знакомый!

Элеонора звонко рассмеялась. Никону этот звон последнее время стал очень мил. Обреталось в нем что-то завлекающее, живое и прекрасное. Так и хотелось не только услышать его, но ощутить в руках, сжав девушку в крепких объятиях.

– Необычное прозвище.

– У нас у всех такие были. Иногда в нашей компании его заочно называли Грифом. Тот еще клещ. Одно время даже долго ухаживал за мной.

– И как? – невзначай поинтересовался Никон.

– А никак. Я его терпеть не могу. Нудный тип. Расчетливый. Был у меня один кавалер, так он такую сложную схему выстроил, чтобы меня отбить – я просто ужаснулась. Такое впечатление, что он пытался создать вокруг зону отчуждения. А если бы ты видел, какие двусмысленные произведения искусства он дарил! По нему Фрейд плачет! Теперь стараюсь держаться подальше.

Глава 16.

Ранний визит следователя совершенно озадачил Никона. После событий последних дней, голова соображала плохо. Требование, уделить около часа времени, для беседы рушило расписание. В коридоре сидели посетители. Катрин, которая должна была решать подобные вопросы, не оказалось на месте. Следователь оказался крайне настойчив, поэтому пришлось перенести

визиты последующих двух часов на вечер. Благо это можно сделать, просто передвинув необходимые строки в конец дня. Сообщения о переносе времени визита автоматически попадает к адресату.

Наконец кабинет освободился. Сергей Петрович, поерзав мощной грузноватой тушей, устроился в кресле поудобнее, откинул голову и немного помолчав, заявил:

– Удобные у вас кресла. Прямо волшебные. Поясница болеть перестала. И дышится легче. Можно я молча немного посижу? Отдохну.

– Пожалуйста.

Никон уже махнул рукой на график. Активно предвкушал, как после претензий с поднятием бровей и округлением глаз, пошлет Катрин к следователю выяснять, почему тот сорвал рабочий процесс.

– Я слышал, что перед тем, как делать дизайн этих кресел, проводилось антропометрическое исследование наших сограждан. Плюс – там использован специальный материал с датчиками, способный сокращаться. Как живая кожа. Кресла меняют форму в зависимости от ваших параметров.

– Ого! Мне действительно показалось, что оно немного двигалось, когда я сел. Страшно! Дорогие, наверное?

– Наверное, они того стоят.

– Страна вечный банкрот, а они роскошью балуются. Где смысл? Ну да ладно, на смысл укажет история, – загадочно улыбнулся Сергей.

Затих, откинувшись. Сделал несколько глубоких вдохов. Закрыв глаза. Покрутился из стороны в сторону. Выглянул в окно. Бросил взгляд на Никона. Немного прищурился, вглядываясь в его руки, губы, глаза. Опять посмотрел в окно.

Никон, посидев немного без дела, взял со стола планшет и принялся доделывать отчет за вчерашний день. Так прошло несколько минут. Наконец Сергей, заерзав и вздохнув, спросил:

– Вам интересно, почему я заявился вот так, без согласования с вашим супервайзером в рабочее время?

– Интересно, – улыбнулся Никон.

– Почему вы не спрашиваете?

– Вы просили тишины. Отдыхаете в удобном кресле.

– То есть Вы думаете, что я решил отдохнуть у вас в кабинете?

– Ваши намерения могли измениться после того, как вы сели в чудо-кресло. Вы об этом сами заявили.

– Как же ваш график? У вас не будет проблем с начальством?

– Будут. Перенаправлю к вам. У вас же есть полномочия?

– Есть.

– Ну вот.

Опять повисла тишина. Следователь неспокоен, даже возбужден. Как будто намеревался сделать шаг и не решил еще как. Возможно, даже ждал первого шага от Никона. Возможно, даже опрометчивого, ошибочного шага. Никон чувствовал это. Он читал характер, исподволь бросая взгляды и прислушиваясь к словам и дыханию. Старался не заразиться возбуждением. Сохранить спокойствие. Мысленно махнув уже рукой и решив не тратить ресурсы на пережевывание происходящего, он плыл по течению, руководствуясь принципом: будь что будет.

– Как прошел вчерашний день?

– Как обычно. Утром на работу. Вечером домой.

– Как Вы обычно проводите вечера?

– По-разному. Вчера вот зашел в супермаркет, прогулялся от метро пешком. Доделал кое-какую работу.

– А позавчера?

– Позавчера с друзьями.

– А сегодня какие планы?

– Сегодня рабочий день закончится на два часа позже. Останется время только доехать домой, подготовиться к завтрашнему дню и лечь спать.

– Понятно. Вас не удивляет мой визит и расспросы?

– Удивляет.

– Почему вы не интересуетесь причинами?

Никон улыбнулся. Он знал: когда надо слушать, а когда спрашивать. Есть люди, которые отвечают на вопросы очень скупно. Задавая вопросы, такие рассказывают больше, чем отвечая. Умение слушать, слышать и понимать – один из важнейших инструментов в его работе.

– Я думаю, что рано или поздно Вы все объясните.

– Рано не желательно, поздно тоже. Все должно быть вовремя, – назидательно отчеканил Сергей Петрович.

– Вы философ.

– Я следователь.

Никон опять не ответил. Решил тянуть до конца. Спешить все равно уже некуда. Если вечером надо будет работать, почему бы сейчас не отдохнуть?

– Как у вас складываются отношения с новым супервайзером?

Никон интуитивно решил не ограничиваться дежурной фразой, типа «нормальные». Выдал правду с некоторыми подробностями:

– Мы давно знакомы. Отношения немного напряженные.

– Немного напряженные.

Следователь процедил фразу, как бы записывая в воображаемый блокнот полезную информацию.

– Как вы относитесь к тому, что у вас с супервайзером такие отношения?

– Когда закончится расследование, я потребую перевести меня к старому супервайзеру.

– Терпите в надежде, что скоро все закончится, – опять констатировал следователь.

– Можно и так сказать.

– Когда Вы видели ее в последний раз?

– Позавчера.

– Где?

– Здесь.

– Интересно. Что она здесь делала?

– Вам лучше поинтересоваться у нее, – мягко съязвил Никон. – Я не всегда понимаю смысл ее действий.

– Мне интересна Ваша версия.

– Как методист оценивала мою работу.

– И как результат?

– Осталась довольна тем, что сделала мне много замечаний.

– А Вы?

– Что я?

Следователь сделал паузу, подбирая слово. Все равно ляпнул что-то не то:

– Довольны?

Никон не сомневался – ищейка, так он теперь называл гостя про себя, хочет вывести его из равновесия. Играет в игру. Улыбнувшись, сделал ход:

– Доволен, что замечания были не очень резкими и некоторые, даже, по делу.

– Понятно. Потом пошли с друзьями принимать успокоительное, наверное?

Пространство между собеседниками снова наполнилось тишиной, которую протыкали и резали быстрые скользкие взгляды. Никон решил сходить в маленькую атаку:

– Думаете, что бы еще спросить?

– Отдыхаю.

Тон явно не соответствовал заявленному статусу. Ищейка опять поерзал в кресле. Посмотрел в окно.

– Хорошо. Отдыхайте. У нас есть еще полтора часа. И потом час обеда.

– Кстати, что это у вас за рисунок такой на стене? Прямо схема связей между фигурантами по нашему делу.

– Ежели похожа, так тому и быть, – отмахнулся Никон. – Хотя мама автора говорит, что это похоже на молекулу.

Следователь, хорошо прицелившись, сделал снимок объемного фиолетового графа.

Никон опять уставился в планшет. У него с трудом получилось переключиться на работу. Мышление уже полным ходом делало анализ ситуации и странного поведения следователя. Вопросы касались Катрин и недавних дней. Ищейка раскачивал его из стороны в сторону и наблюдал за реакциями. Выискивал зацепки и дыры. Что случилось с Катрин? Нетерпение подталкивало Никона задать этот вопрос вслух, но он сдержался. Постарался успокоиться. С сожалением подумал: нет возможности увидеть свои графики, как тогда, во время разговора с начальницей. У него получилось. Биологическая обратная связь работала. Жаль, что он не додумался поэкспериментировать с этим, когда его анамнезом распоряжалась Паула. Та редко не уступала требованиям в положительной обратной связи. Всегда шла навстречу.

Следователь сдался первым. Глубоко и тяжело вздохнув, он не совсем твердой рукой выложил карты на стол:

– Катрин пропала.

Прищурился, наблюдая за реакцией Никона. Ожидая подобного заявления, Никон выдал подготовленный вопрос.

– Что об этом известно?

– Я хочу спросить, что об этом знаете Вы?

– Ничего.

– Точно?

Никон развел руками.

– Хорошо. Тогда я расскажу Вам. Она не вышла сегодня на работу. Как раз должно было случиться совещание у регионального координатора. Ее стали искать. Телефон вне зоны. Отправили домой водителя. Тот обнаружил взломанную дверь. Квартиру обыскивали.

– Ого! – искренне удивился Никон. – Мартин, теперь Катрин. У вас есть версии?

– Есть. Недавно к региональному координатору приходил ваш предыдущий супервайзер – Паула. Она рассказала ему о конфликте. Просила объективно отнестись к версиям двух сторон. Еще ранее, Катрин сообщила ему про ощущение, будто за ней следят. Это чувство появилось, когда Вас перевели. Вы улавливаете тенденцию?

– Слабо, – покрутил головой Никон.

– У Вас есть мотив.

– Вы серьезно?

– По крайней мере, прямо или косвенно об этом сообщили три человека. И вот, кстати. На просторах интернета наши ребята обнаружили интересное видео о том, как некто в очень странном месте отбирает у Катрин планшет. Вот взгляните.

Следователь протянул экран. Драка за сумку в хорошем качестве Никона расстроила. Неужели даже оператор, снимавший постановку, отвлекся?

– Хочу услышать Вашу версию происходящего.

– Моя версия состоит в том, что в отношениях с Катрин я никогда не думал заходить дальше споров и сарказма. В этом клубе действительно скакал мой баланс. Это должно быть в

журналах. И что это такое: злая шутка или сбой в работе системы, надо еще разбираться. Я не тот человек, который будет заходить дальше споров или того, что вы увидели на видео.

– Хорошо, – отступил следователь. – Я понимаю, что в линии Мартин – Катрин Вы случайный элемент. Но проявляющиеся факты свидетельствуют против Вас. Если региональный координатор будет нависать, нам придется обсуждать этот вопрос в другой обстановке.

Грузноватая фигура оказалась у двери так же быстро, как прежде, в кресле. Уже из-за двери долетела фраза:

– Спокойного дня!

Никон отметил скрытый сарказм. Посмеялся. Часть переживаний ушла в смех. Часть влилась в размышления о ситуации. Стало спокойнее. Никон поплыл по течению дальше.

Глава 17.

Навязчивые переживания, связанные с происходящим вокруг, вернулись быстро. Никон не стал их гнать. Знает: в памяти, в бессознательном, уже полным ходом идет разбор сложной задачи. Задачи, в решение которой его втянули без его согласия. Задачи, которая ему не интересна. Зачем ему все эти убийства и похищения? Он хочет спокойно работать. Приносить пользу людям. Получать хоть какие-то деньги. Потреблять хоть какие-то блага цивилизации. У него и так проблем полно.

Как он не заметил этого? Нагромождение незначительных, казалось, для него событий неожиданно превратилось в неподъемный груз. Откуда она вообще взялась – эта Катрин? Снаряд, выпущенный на той далекой войне, снова попал в цель? Бомба замедленного действия?

Мутная река воспоминаний увлекает пробковое сознание своим бурным течением. Никон не сопротивляется. Сначала осторожно, потом все полнее отдается во власть непредсказуемого течения. Плышет.

С тех пор, как должность супервайзера заняла Катрин, обсуждения работы стали особенно долгими и нудными. Пережевывания одного и того же Никона напрягают. Настя, не смотря на свой подвижный, неуравновешенный нрав, терпит.

– Это же психодиагностика! – двадцать седьмой раз повторяет Катрин. – В методических документах ничего не написано про психодиагностику! Наша задача – мониторинг общего состояния переселенцев и кризисная интервенция!

– Если не написано – это не значит, что нельзя. Все это писалось в полевых условиях. С учетом потребностей! – снова пытается объяснить Никон. – А потребность есть.

– Я здесь супервайзер и я буду устанавливать правила. Психодиагностика существует для тех, кто не может понять человека в беседе, в танце, в игре!

– Есть такие вещи, которые очень сложно и долго понимать в беседе или в игре, – настаивает Никон. – Какая может быть кризисная интервенция без четкого представления о проблеме? Все люди разные. Очень разные. Особенно дети.

– Блин! Мне уже надоело, – влезает Настя на русском. – Забей. Какая тебе разница? Вцепился в эти методики. На хрена оно тебе надо!? Работай, как работается. Не спорь!

– Что ты сказала?! – интересуется Катрин.

– Сказала, что Никон не прав. Что у супервайзера больше полевого опыта.

– Спасибо.

– Сама будешь теперь объяснять родственникам, почему дети прячутся от хлопанья дверей под кровать, не смотря на все уговоры, в каком они состоянии и в чем проблема! – не выдерживает Никон.

– И объясню! – размашисто отвечает Настя. – Все просто! Реакция на травматический стресс!

В детском саду встречают радушно. Мы здесь по рекомендации методиста психологов городского отдела образования. Приятная заведующая. Супермать, готовая сама заботиться обо всех трехстах воспитанниках. С порога начинает рассказ о том, какие здесь замечательные детки и квалифицированные воспитатели.

Первый визит мы делаем втроем. Я, Настя и Лена. Я и Настя – недавние студенты. Лена – звезда, способная очаровать кого угодно. Контакт с руководством налажен. Мы уже пьем чай в небольшой комнатке разрисованной сказочными персонажами. Постепенно переходим к обсуждению проблем.

Заведующая, пусть это звучит и странно, с некоторым удовольствием рассказывает об ужасах, в буквальном смысле свалившихся на детский сад с неба. Мы часто слышим рассказы о кошмарах этой войны. Мы представляем благотворительную организацию. Мы оказываем гуманитарную помощь тем, кто в ней нуждается. Люди любят нам жаловаться. Мы всегда слушаем внимательно. Это наша работа.

Сейчас мы слушаем рассказ о том страшном дне. Очи заведующей и в спокойном состоянии круглы, но теперь... Из широких черных пропастей ее зрачков на нас выскакивают образы переживаний, способные вывести из равновесия даже самых матерых. Она говорит, изредка останавливаясь, повторяясь. В особо напряженные моменты глаза отрешенно замирают на одной точке. Она сейчас тогда:

– Это все из-за них. Аэродром очень близко к нашему саду. Они постоянно пускали свои «Точки» в сторону схизматов. И штаб ихний там находится. Вот и получили в ответ. Накрыли их смерчами. А мы-то тут причем? Вы можете себе представить, когда у вас под окнами взрываются бомбы? Много бомб. А тут детки: и маленькие совсем, и постарше. Мы с ними занимались. Мы их учили, как себя вести. В игры играли. Чтобы они не боялись. Чтобы даже бомбежку воспринимали, как игру. Если воспитатель говорит: гром гремит – мышки прячутся в норку, все лезут под столики и кровати. Детки быстро научились. Они же все чувствуют! Вот смотрите, что к нам прилетело.

Заведующая извлекает на свет пакет с железными фрагментами. Высыпает на стол. Мы внимательно разглядываем небольшие цилиндрики и осколки рваного листового металла. Высказываем свои впечатления. Даем обратную связь. Рассказчица, переполняемая эмоциями, продолжает:

– Это детки понаходили. Везде. И на втором этаже, и на первом. На полу, под столами, под кроватками. В деревянных дверях. В стенах. У нас теперь окна все в таких дырочках. Слава Богу – на улице никого не было. Одна группа как раз только вернулась, а вторая собиралась. Мне даже представить страшно, что могло бы произойти. Я бы не пережила.

Зрачки увлажняются. От блеска становятся еще шире и глубже. Страшный рассказ продолжается:

– Ведь в прошлом году, летом. Двадцать второго июня, представляете? Нас же тоже обстреляли. Нарочно такого не придумаешь, как в фильмах про Великую Отечественную. Вот тогда для нас началась эта война. Воспитатель один погиб во дворе. Как мы все плакали. С тех пор – как на иголках. Постоянно ждем угрозы.

Миша не хочет идти. Он боится. Очень боится. Знает – мир опасен. Люди опасны. Не все. Есть люди безопасные. Таких он не боится. Воспитатели, которых он знает, безопасны. Дети в группе безопасны. Прежде, чем убедиться в этом, он долго наблюдал. Несколько дней. Это оказались очень тяжелые дни. Было страшно, холодно и одиноко.

Теперь Мишу опять ведут в неизвестность. Он вяло упирается. Дышит тяжело. Расширенные зрачки, сливающиеся с темно-коричневой радужкой, недвижно смотрят в ближайшее будущее. Мышцы на бледном, болезненном лице немеют. Ноги немного дрожат и плохо держат.

Вспотевшая рука норовит выскочить из теплой и мягкой обычно, но жесткой сейчас, ладони конвоира. Сил не хватает.

Вот закрытая дверь. Что за ней? Кто там? Дверь открывается. Там светлее, чем в коридоре. Яркий свет бьет в глаза. Узкий проход между большим окном справа и полками, уставленными книгами, слева. Там кто-то есть. Там разговаривают и чем-то шелестят. Чужие люди смотрят на него. Чужие дети сидят за столом и рисуют. Чужая обстановка кабинета давит. Он хочет вернуться в группу. Не получается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.